

Светлана Сушко
Ольга Крученкова

СУШКИНЫ истории

Нескучные рассказы
о маленьких радостях
и большом счастье

**Ольга Крученкова
Светлана Сушко**

**Сушкины истории. Нескучные
рассказы о маленьких
радостях и большом счастье**

Серия «Рассказы Рунета»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69515794
Сушкины истории. Нескучные рассказы о маленьких радостях и
большом счастье / Сушко С., Крученкова О.: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-155273-2*

Аннотация

Светлана Сушко и Ольга Крученкова – писательницы, родные сестры, а также авторы популярного Дзен-канала «Сушкины истории». Блог Светланы и Ольги давно покориł сердца аудитории Дзена, а рассказы полюбились 80 тыс. читателей.

«Сушкины истории. Нескучные рассказы о маленьких радостях и большом счастье» – это интересные, поучительные сюжеты о проблемах в семье, человеческих судьбах и ежедневных мелочах, из которых состоит наша жизнь. Вы узнаете, как человек, потерявший все, даже собственное прошлое, неожиданно обрел больше, чем утратил. Прочитаете

удивительную историю соседей, которые прошли путь от ненависти до всепоглощающей любви.

«Сушкины истории» – согревают душу, поднимают настроение, заставляют задуматься и дарят надежду тем, кто в ней нуждается.

Содержание

Воля случая	6
Бабуля правду говорит	13
Вечер откровений	16
Без радости жить нельзя	23
Бабушкин секрет	28
Бабушкины пирамиды	33
Хорошая примета	37
Тайна	41
Белая кружка	46
С любимыми не расставайтесь	49
Предательство	53
Большая семья	58
Наказание	63
Бусинка	69
Сирота	73
Бывших не бывает	77
Студенческие блинчики	83
Дешевые сапоги	87
Верная примета	91
Разговор по душам	96
Тайник	100
Взрослый сын	103
Конец ознакомительного фрагмента.	108

**Светлана Сушко и
Ольга Крученкова
Сушкины истории.
Нескучные рассказы
о маленьких радостях
и большом счастье**

© Сушко С., Крученкова О.

© ООО «Издательство АСТ»

Воля случая

Он появился в поселке словно из ниоткуда. Утром, на автобусной остановке сельчане увидели мужчину неопределенного возраста, одетого не по сезону. Грязная, изрядно поношенная одежда, взлохмаченная шевелюра, давно забывшая прикосновение мыла или шампуня, характерное амбре, распространившееся на несколько метров, говорили о том, что этот колоритный персонаж – бомж.

Мужчина был абсолютно трезв, в руках болталась несурная авоська, а в ней – половинка черного хлеба.

Постояв минут десять, он медленно двинулся по центральной улице. Было очевидно, что человек не знает, куда идет. В уставших печальных глазах читалась растерянность и какая-то детская беспомощность.

– Здравствуйте! – приветливый голос незнакомки вывел бомжа из оцепенения. – Вы что-то ищете? Может, подсказать чего?

Это была вездесущая Наталья: одинокая, воспитывающая троих детей от разных мужей, статная, местная покорительница сердец.

– Ничего я не ищу. Иду, куда глаза глядят, – ответил мужчина удивительно бархатым, глубоким голосом.

– Значит, к кому-то приехали? – не унималась Наталья.

Она должна была все выведать! Потому что именно она

все и про всех знала во всей округе.

– Да нет же. Я просто вышел на этой остановке. И все.

– Хотите здесь поселиться? – допрос продолжался.

– Поселиться? Разве это возможно? Да и как я... такой?

– А что? У нас полно пустых домов. Не коттеджи, конечно, но жить можно. Вас как зовут?

– Я...н-не знаю. Зовите как-нибудь.

– Как это не знаете? – изумилась женщина. – Так не бывает.

– Еще как бывает. Глаза открыл однажды, а про себя ничего не знаю. Лежу на скамейке с пробитой головой. Уже год пытаюсь что-то вспомнить.

– А к врачам обращались?

– К каким врачам? Кто меня слушать будет? Этакого!

– Ну да, – согласилась Наталья, – и никто не помог? А родственники?

– Не помню я никого, – мужчина чуть не расплакался, – оставьте меня в покое!

И он медленно, опустив плечи, словно под тяжелой ношей, побрел дальше по улице.

Наталья несколько минут смотрела ему вслед, будто раздумывала о чем-то. Потом развернулась и побежала по своим делам.

Бомж походил по поселку, привлекая внимание местных, постоял возле магазина и, наконец, вышел к храму. Заглянул внутрь.

Увидев батюшку, буквально бросился ему в ноги:

– Помогите, не знаю, что делать...

Батюшка выслушал несчастного и предложил остаться в поселке:

– Здесь много пустующих домов, и работа найдется. Я поговорю с председателем. Он человек добрый, не откажется помочь. Обживешься, окрепнешь, а там видно будет. Господь все устроит. Как звать тебя, говоришь?

– Зовите Иваном. Это имя для любого – как свое.

– Договорились. Пойдем, я тебе один домик покажу, здесь, рядышком. Сможешь к нам в храм чаще заходить. Помогать по хозяйству. Мужские руки ой как нужны. Ты делать-то что-нибудь умеешь?

– Попробую – узнаем, – впервые улыбнулся новоиспеченный Иван.

– А с одеждой мы тебе поможем. Прихожане часто приносят ненужные вещи. А то больно смотреть на тебя: лето на дворе, а ты в куртке.

– Спасибо, батюшка. Век не забуду.

– Погоди благодарить. Вдруг дом не понравится?

– Уже нравится! – глаза Ивана сияли счастьем.

Домик оказался крошечным, уютным, как раз для одинокого человека.

Впервые за долгие месяцы Иван спал на настоящей кровати, укрывался настоящим одеялом, пил кипяток из нормальной чашки.

Он чувствовал себя удивительно спокойно, будто вернулся домой.

«Жизнь продолжается», – подумалось ему тогда.

А Наталья в это время трезвонила по всей округе про загадочного бомжа, который потерял память.

– Может, кто-то ищет его? Может, он вообще олигарх какой? А вдруг его хотели убить, но не получилось, и теперь его ищут? Надо спасать человека!

– Успокойся, Наталья, – женщины в магазине пытались остановить поток ее красноречия, – не накручивай. Останется – посмотрим, что за фрукт.

– Ага, посмотрят они, – говорила Наташа вслух, бодро шагая домой. – Как же! Да я сама за ним присмотрю! Авось на что сгодится?

Здесь Наталья немного лукавила. Не хотела признаться даже себе, что большие печальные серые глаза странного бомжа глубоко запали ей в душу.

Не прошло и часа, как она уже знала, где батюшка поселил ее знакомого, что зваться он будет Иваном и что председатель пообещал взять его на работу без документов...

Иван, не раздеваясь, растянулся на стареньком диване. Ему было так хорошо, что он начисто забыл о своих бедах.

В дверь постучали. Не спрашивая, кто там, мужчина распахнул ее перед первым посетителем.

Это была Наталья.

– Вот видите, я же говорила! Отличный дом!

– Да, – немного смутившись, ответил хозяин. Он не знал, о чем говорить с этой бойкой женщиной.

– Ну что? Начинаем новую жизнь? – задорно спросила гостья. – И начнем с бани! Уверена, вы не против.

– Было бы здорово, – согласился Иван. – Только...

– Никаких «только»! Баня уже топится. Одежда вашего размера у меня есть: от мужа осталась. Так что вперед!

– А вы не боитесь? – неожиданно спросил Иван.

– Ну вот, и вы туда же. Соседки отговаривали, вы пугаете. Чего мне бояться? Красть у меня нечего, а помочь мужчине, который не выходит из головы, – святое дело!

О! Наталья отлично знала, как обратить на себя внимание мужчины.

Иван внимательно посмотрел на эту странную женщину. Чего она добивается? Зачем возится с ним? Ответа он не находил, но внимание Натальи было очень приятно.

– Раз так, я готов.

– Только давайте на «ты»? А то как-то чересчур официально получается. Меня Натальей зовут.

– Согласен. Так что, идем, Наташа?

Хозяйка перед баней выдала гостю все необходимое: мыло, шампунь, новую мочалку, бритву, полотенце, смену одежды и даже машинку для стрижки. Иван принял это как великую драгоценность и скрылся в предбаннике.

Наталья занялась ужином.

– Мам, а что это за дядька и почему он такой страшный? –

наперебой спрашивали сыновья.

– И совсем не страшный. Вам показалось. Просто грязный и очень несчастный.

– А он теперь будет жить с нами?

– Не знаю, вряд ли, – ответила мать, а сама подумала: «Было бы неплохо. Мужчины в доме давно не хватает».

Иван появился почти через два часа. Это был совсем другой человек! Наталья даже растерялась.

Многодневная щетина исчезла. Волосы пусть не очень аккуратно, но коротко пострижены. Одежда – точно впору. Глаза сияют.

– Тебя не узнать, – восхищенно проронила женщина, невольно любуясь правильными чертами лица Ивана, – я думала, ты гораздо старше.

– Благодаря тебе, – отозвался мужчина.

Они долго сидели за столом и говорили обо всем на свете. Мальчишки тоже участвовали в разговоре, болтали без умолку, рассказывая о своих похождениях.

Стемнело. Наталья отправила сыновей спать.

– Я тоже пойду, – Иван поднялся, – спасибо тебе, Наташа, за чудесный вечер.

– Заходи почаще, мы будем рады, – Наташа пристально смотрела Ивану в глаза, будто ждала чего-то.

– Удивительное дело, – тихо сказал Иван, – еще утром мне казалось, что жизнь кончена, никакого просвета впереди. А сейчас... У меня есть дом, какая-никакая работа, есть вы и

появилась надежда...

Он взял Наташу за руку, наклонился и поцеловал ее ладонь.

– Все будет хорошо, – прошептала женщина, тронутая этими словами до глубины души, – вот увидишь...

* * *

Прошло полгода. Наташа снова вышла замуж. Ее муж Иван уже был уважаемым в поселке человек: не пьет, мастер на все руки, церковь помогает восстанавливать.

В Наташе мужчина души не чаял, как и в ее сыновьях. Мальчишек постоянно видели рядом с отчимом: то на рыбалке, то за работой, то в храме. По слухам, в семье ждали пополнения.

Кто бы мог подумать, что, сев в первый попавшийся автобус, бомж, потерявший память, приедет в новую жизнь?

– Ваня, – спросила как-то Наталья, – хочешь, разыщем твою семью, узнаем, кто же ты на самом деле? На простого работягу явно не похож.

– Не хочу. Зачем? Что было – ушло. Прошрое не изменишь. Зато сейчас, здесь, с тобой и сыновьями я абсолютно счастлив. И ничего другого мне не нужно.

Бабуля правду говорит

Как и все девушки, Люда мечтала о романтических отношениях. Любовь с первого взгляда, красивые ухаживания, букеты и конфеты, записки и сюрпризы. Однокурсник Никита на роль принца никак не подходил.

Не красавец, не денди, не герой интернета. Ну, это ладно, она тоже не модель. Гораздо хуже то, что Никита был совсем не романтик. Аккуратист, педант и ответственный студент, правильно питается, занимается физкультурой.

Люда и сама не понимала, как они сблизились. Парень всегда находил какие-то общие темы и дела. Не дарил цветы и не любил сладости, зато мог на встречу притащить толстый справочник:

– Ты ведь такой искала?

Однажды он пришел к Люде без предупреждения, снова с какой-то книжкой. Дверь открыла бабушка:

– Здравствуйте, Люда дома?

– Дома, только спит.

– Спит? Не будите, позже зайду.

Бабушка видела его впервые, погостить приехала. Когда внучка встала, поделилась впечатлением:

– Парень к тебе приходил. Вежливый такой, заботливый.

– Никита, наверное, – Люда сразу поняла, о ком речь.

– Хороший. Встречаетесь?

– Ну... можно и так сказать. Он встречается, наверное.

– Как это?

– Скучновато с ним, бабушка. Слишком уж он правильный и совсем неромантичный. Проверяет, не забыла ли я варежки или зонтик, цветы один раз подарил – и те в горшке.

– Так это же прекрасно!

– Да ну.

– Понимаю, хочется, чтобы красиво ухаживал, восхищался, на коленях стоял и серенады пел. Только, знаешь, детонька, сколько я таких гусар видела. Голова от них кругом идет, только жить с ними – не дай Бог. Жизнь, она ведь не сказка. Быт, труд и рутина. А гусары себя любят, подвиги всякие, приключения, праздники и фейерверки... Не для семьи они. Так что смотри – хороший парень у тебя, внимательный. Не стал будить, молодец. Цветы, внучка, через неделю завянут, а заботу не купишь и не воспитаешь. Или есть она, или нет.

Умом Людмила понимала: бабуля правду говорит. Но сердце не горело. Все чаще девушка подумывала расстаться со своим неромантичным кавалером.

Однажды они с Никитой договорились встретиться в сквере возле университета. Люда опоздала на автобус. Приехала минут на пятнадцать позже, поэтому шла быстрым шагом, не замечая ничего вокруг. Никита ждал. Увидев его, девушка остановилась и помахала рукой. В этот момент раздался лай: на Люду бежал огромный бродячий пес.

Она не помнит, как Никита оказался рядом. Кажется, это

было мгновенно. Закрыв Людмилу от собаки, он стал что-то ласково этой псине говорить. Бродяга успокоилась и отстала.

В тот день между ними что-то изменилось. Люда вдруг увидела Никиту совсем другими глазами.

Спустя полгода она сломала ногу. Никита навещал в больнице, каждый день приходил домой – по-прежнему без цветов. Зато приносил книжки, лекции, помогал с учебой. Людмила поняла, насколько он надежный, добрый и верный друг.

Да, о любви они не говорили. С волнением девушка ждала, когда же это случится. И Никита смог ее удивить. На ее день рождения он пришел при полном параде – костюм, галстук. В руках – красивый сверток, явно книга. Развернув подарок, Люда ахнула: книжка называлась «Первый год жизни вашего ребенка». Это было красноречивее любых слов!

Никита попросил ее руки в присутствии родителей.

Сейчас у ребят растет дочка. Никита все такой же прагматик. Все у него правильно, вовремя, удобно, тепло и рационально. А романтиком он был один раз.

Когда в марте украсил воздушными шарами все деревья под окнами роддома...

Вечер откровений

– Через мой труп! – твердо ответил Никита, когда Лена обратилась к нему с просьбой.

– Но почему? – поразила женщина. – Это же мой родной дедушка.

Она начала всхлипывать.

– Не хватало, чтобы в моем доме шаркал мерзкий старик, отравлял здесь атмосферу, отвлекал тебя от семьи и, не дай бог, вздумал меня учить уму-разуму!

– Зачем ты так? Да, он старенький, но очень аккуратный, мирный, добрый и очень нас любит.

– Не смейся меня. «Любит!» Да он вряд ли помнит, кто ты такая есть.

– Главное, что я помню об этом, – тихо, но неожиданно твердо проговорила Лена. – Вообще-то он – единственный родной для меня человек.

– Единственный? – удивился Никита. – Ты уверена?

– Конечно. Здесь все: кровь, семья, воспоминания.

– А меня ты близким человеком уже не считаешь? – Никита особо не прислушивался к словам Лены. В голове застрял только этот единственный вопрос.

Лена посмотрела на Никиту долгим взглядом, в котором внимательный человек давно бы разглядел отчужденность.

– Нет. Не считаю.

Никита от неожиданности даже сел.

– И ты так просто об этом говоришь? – наконец выдавил он из себя.

– Так тут сложного ничего и нет, дорогой. Я тебе кто? Сожительница. Мой дедушка тебе кто? Умиравший, мерзкий старик. О какой близости ты говоришь? Тебе просто удобно, что я рядом, а мои проблемы, переживания тебе безразличны.

– Пример некорректный, – усмехнулся Никита, – ты еще скажи, что я тебя использую и никогда не любил. Или приплети свою мечту о детях.

– А я уже не мечтаю, – голос Лены был едва слышен.

– Как это не мечтаешь? Ты не хочешь от меня ребенка?!

– Нет, не хочу.

– Вот и хорошо, что ты успокоилась по этому поводу, – произнес Никита с деланной улыбкой. – И все же интересно: с чего это вдруг?

– Да не вдруг, Никита. Чем больше живу с тобой, тем больше убеждаюсь, что ты – заурядный эгоист. И сегодняшняя ситуация тому подтверждение.

– Ну-ну, продолжай. Интересный вечер у нас с тобой получается. Прямо-таки вечер откровений.

– Ну скажи, чем бы тебе помешал мой дедушка? – Лена вернулась к началу разговора. – Квартира огромная, денег хватает, ты весь день на работе. Да вы могли бы даже не встречаться, если он так тебя напрягает.

– А зачем создавать сложности? – искренне удивился Никита. – Нет деда – нет проблем.

– Вот и с ребенком было бы то же самое. Ты не способен никого любить, кроме себя.

– Неправда. Еще я люблю тебя.

– Это слова, Никита. Любовь – это поступки. А твои да-
леки от этого.

– Не делай из меня монстра. Ты же живешь со мной, зна-
чит, тебя все устраивает.

– Жила, Никита.

– Не понял...

– Теперь я буду жить с дедушкой. Завтра же перееду.

– Завтра? – дикая ярость начала просыпаться внутри, ли-
шая мужчину возможности контролировать свои действия. –
Почему не сегодня?! Давай, собирай свое барахло и прова-
ливай, мать Тереза. Я уже три года жду, когда ты свалишь.

– А я знаю, – спокойно ответила Лена. – Не волнуйся, се-
годня так сегодня. Как скажешь, дорогой.

– Дорогой? Ты издеваешься? – Никита вплотную подошел
к Лене, схватил за плечо.

Почему-то женщина не испугалась. Казалось, внутри нее
проснулась какая-то внутренняя сила. Так бывает, когда че-
ловек наконец принял решение, которое вынашивал очень
долго.

Лена смело и открыто смотрела Никите в глаза. В них бы-
ло столько презрения, что мужчина отшатнулся.

Больше они не произнесли ни слова.

Лена собрала вещи на первое время и ушла.

Никита метался по квартире как загнанный зверь. Понимал, что произошло нечто необратимое, на что он не рассчитывал и не мог никак повлиять:

– И это все из-за какого-то старого уroda! Как она посмела?! Сколько лет на нее потратил: кормил, поил, одевал. Отблагодарила...

Никита достал бутылку коньяка, налил полстакана, залпом выпил.

Легче не стало.

Тогда он схватил куртку и выскочил на улицу.

Сел в машину и помчался по ночному городу, не выбирая направления.

Встречная машина ослепила фарами... Удар... Темнота...

Никита очнулся в палате почти весь в гипсе. Его жизни ничто не угрожало, но последствия аварии были весьма печальными. Предстояло длительное лечение и не менее длительная реабилитация.

Лена к нему не приходила. Правда, приносила передачи. В них было все, что Никита любил.

– Жалеет, небось, что тогда наговорила мне всего этого, – думал мужчина, уплетая голубцы и вишневый пирог, – ничего, пусть помучается. Прибежит, никуда не денется. А я, возможно, ее прощу...

Но Лена так и не появилась. Ни разу не позвонила. На звонки не отвечала.

Прошло три месяца. Никиту выписали. Оказавшись дома, мужчина сразу понял, как сложно ему справляться с элементарными домашними делами.

«Позвоню Ленке, – подумал он, – пусть переезжает обратно. Небось ждет не дождется, когда назад позову. Хоть жрать приготовит. Я потом на ней отыграюсь».

Набирая знакомый номер, Никита заметно волновался:

– Привет, Лен! Я уже дома. Ты когда вернешься?

– Я? – девушка искренне удивилась. – Никогда. Неужели ты так ничего и не понял?

– Это ты про передачи? И про то, что ни разу не пришла ко мне в палату? Знаешь, правильно сделала. Нас, мужиков, по-другому не проймешь.

– Ты опять все перевернул с ног на голову. Ладно, делай как хочешь. Пока.

– погоди, Лен. Легко сказать: «Делай, как хочешь». Я, пардон, сейчас мало чего могу. Мне помощь нужна. Я же на костылях.

– И что? Возьми домработницу. Она прекрасно за тобой будет ухаживать.

– Лена, не шути так. Ты же не бросишь меня в таком состоянии. И потом, мне скучно без тебя и одиноко.

– Неужели? А я при чем?

– При том, – Никита даже разозлился, – я не могу без тебя!

– Тебе это только кажется. Ты же не хочешь, чтобы в твоём доме шаркала бывшая сожительница, отравляла атмосферу, отвлекала тебя от себя самого и, не дай бог, вздумала учить уму-разуму? – Лена почти слово в слово повторила тираду Никиты по поводу деда.

– Хочу! – неожиданно для себя выкрикнул мужчина.

– Ты опоздал, Никита. Я занята. У меня есть семья, и я не собираюсь ущемлять интересы близких ради чужого человека. Прости.

– Семья? Это ты про деда? Так бери его с собой. Ведь это из-за него ты мне мстишь?!

– Да, про деда. И про Влада. Помнишь, твой сотрудник? Он сделал мне предложение.

– Влад? А, ну да. Он всегда на тебя пялился. Я даже хотел его уволить, – вырвалось у Никиты. – А говорил, что никогда не женится.

– Говорить можно все что угодно. Важнее, как человек поступает. Так вот, в отличие от тебя, он предпочитает иметь рядом с собой жену, а не сожительницу. А насчет мщения... Знаешь, ты помог мне решиться и окончательно поставить точку в наших отношениях, за что я тебе очень благодарна. Все остальное я забыла, как страшный сон. Прощай.

Лена отключила связь.

Воистину,

«Лучшая месть – забвение, оно похоронит врага в

прахе его ничтожества».

Бальтасар Грасиан.

Без радости жить нельзя

Иван Петрович овдовел в шестьдесят семь. Совсем чуть-чуть не дотянули они с супругой до золотой свадьбы. Заболела его Надежда внезапно и ушла скоротечно.

Какое-то время Петрович буквально пребывал в прострации. Не мог привыкнуть, что дома никого нет. Никто не гремит посудой по утрам, не встречает, не провожает, не спрашивает: «Что на ужин тебе приготовить?» – не зовет гулять в парк. В магазин они тоже всегда ходили вместе...

Первые сорок дней прошли как в тумане. Вдовец механически грел утром чайник, намазывал маслом черный хлеб. Ел, не чувствуя вкуса. В обед открывал «Сайру». Иногда варил гречку. Раз в неделю выходил за продуктами. Похудел за эти полтора месяца, осунулся. Бороду отпустил. А чего бриться? Сил нет. Ему даже телевизор не хотелось включать – не с кем обсудить новости, так чего их смотреть.

Готовить сороковины приехали дочери. Увидели отца – ахнули. По телефону он говорил, что «все нормально», а выглядел так, словно вышел из тюрьмы. Окна вымыли, квартиру начистили, одежду постирали, вкусностей наготовили. Хозяина расшевелили, в парикмахерскую отвели. А после поминок посовещались и придумали план – как деда из депрессии вытащить.

У Марины младшему сыну четыре года. В садик как по-

шел, стал болеть часто. Квартира у нее трехкомнатная. Словом, убедили сестры Ивана Петровича к Марине в областной центр переехать – за внуком присматривать. Родителям помощь, и ему хорошо быть при деле. Тот обрадовался. Оди-чал совсем в одиночестве с непривычки. Согласился сразу. Да и внука, Пашку, любил очень.

Квартиру родительскую в райцентре сестры продали, деньги поделили. И зажил дед у старшей дочери. Выдели-ли им с Павлом отдельную комнату. Они там вместе укреп-ления строили из деревянных кубиков, солдатиков расстав-ляли. Играли в «ходилки» всякие, книжки читали, купили электронный конструктор и собрали сигнализацию. Гулять отправлялись в лесопарк, там дед внуку про деревья расска-зывал – он раньше в лесхозе работал, все знал. И сколько ел-ка растет, и почему у клена осенью листья разноцветные.

А как Пашка жуков любил разных разглядывать! Они с дедом часами могли гулять. В отличие от мамы, которая веч-но куда-то мальчишку тянула, Петрович никуда не спешил. Хочется внуку желуди собирать – пожалуйста, кораблики в ручей пускать – на здоровье, бабочек отслеживать и ловить – сколько угодно.

Словом, несколько лет внук с дедом были совершенно счастливы. А потом Пашка пошел в школу. Школа была близко, через пару дворов, но дед весь год провожал перво-классника по утрам, встречал после уроков. Во втором клас-се мальчишка стал говорить, что хочет ходить в школу сам.

Дальше – больше. Появились новые друзья, новые интересы. А у деда – все больше свободного времени. И все больше желания вставить свои пять копеек в домашние дела.

В общем, наступил момент, когда дед стал чувствовать: он мешает зятю, раздражает дочь, бесит старшую внучку и больше не нужен Пашке. Тот все чаще норовил провести время в планшете или с друзьями. Тяжело, когда в доме все тобой тяготеется. Иван Петрович понял, что поспешил продать жилье – не в себе был. Высказал дочери обиду, обвинил, что они воспользовались его беспомощным положением, а теперь ему некуда деваться.

Посетовал однажды на ситуацию в разговоре с соседкой, с которой раньше вместе с внуком иногда гулял. А она посоветовала:

– Слушай, Петрович, не в твоём возрасте в обиженку играть. Отстань от молодых, займись чем-нибудь. Знаешь, в районном собесе работают отделения дневного пребывания – что-то вроде пенсионерского детского сада? Там и спортом можно бесплатно заниматься, и на лекции ходить, кружки есть всякие по интересам. Экскурсии, опять же. В театр ходят. Даже самодеятельность устраивают на Новый год и 8 Марта – мне знакомая рассказывала. Ты бы сходил. Все лучше, чем дома сидеть грустить. А там, глядишь, и бабушку хорошую встретишь.

– Или не бабушку, – расхохотался Петрович. – Я-то еще мужчина – хоть куда.

И что вы думаете?

Пошел дед в этот пенсионерский клуб. Оказался он там единственный мужчина. Сначала смущался, но потихоньку втянулся. Начал посещать компьютерные курсы, лекторий по истории родного города. К женщинам, конечно, присматривался – да никто ему не нравился. Эта странная, та смеется громко, третья какая-то неинтересная, четвертая – грустная, необщительная. Примерно через полгода придумали они акцию: поздравить с Новым годом инвалидов-колясочников.

Сначала деньги собирали на подарки, потом список адресов составляли. Дедом Морозом, конечно, Петровича, назначили. А Снегурочкой – пригласили Ирину Васильевну. Ту самую, грустную. Она тоже вдова, моложе его лет на пять. Приходила на тренажерах заниматься, никакой активности не проявляла. Вот женщины и решили ее расшевелить. Ирина Васильевна, услышав об акции, не смогла отказать.

Оказалось, она поет хорошо, стихи сочиняет и вообще человек душевный. Две недели народ готовился – про всех «подопечных» в ассоциации узнали подробности, Васильевна каждому индивидуально четверостишие написала, женщины подарочки сладкие подготовили. Всю предновогоднюю неделю они с Петровичем ходили по квартирам. И уже тогда поняли: это не в последний раз. Вымотались, конечно, но и заряд энергии такой получили – словами не передать.

А потом вместе вели новогодний вечер.

Словом, увидели друг друга в работе и в трудностях. По-

сле праздника стали чаще встречаться помимо клуба. Через несколько месяцев съехались. И живут вместе вот уже четыре года. Ни одно мероприятие в пенсионерском клубе без них не обходится, они там всегда ведущие. В прошлом году какой-то конкурс Дедов Морозов и Снегурочек выиграла. И не только потому, что Иван Петрович – самый старый Дед Мороз в округе. Он еще и самый «настоящий»: может играть роль почти без грима. Он и соседских ребятишек теперь поздравляет – совершенно бесплатно. А мы ему подарки помогаем покупать.

Бабушкин секрет

Настя осиротела в шесть лет. В тот год бабушка Зоя Семеновна впервые отпустила ее родителей отдохнуть на море.

Так случилось, что супруги прибыли на место вечером и сразу побежали купаться: ждать утра не было никаких сил. Они вошли в море, держась за руки, и больше их никто никогда не видел.

Бабушка оформила опеку, и маленькая Настенька осталась с ней навсегда.

Зое Семеновне оставался год до пенсии. Женщина понимала: на ее деньги и пособие внучки особо не разгуляешься, поэтому сразу решила, что баловать девочку не будет, хотя очень хотелось. Нужно было научить Настю жить по средствам, ведь поддержки, пока она не вырастет, ждать неоткуда.

Поначалу девочка очень скучала по родителям. Целыми днями сидела за столом и молча рисовала: папа, мама, она сама, море и солнце.

Бабушка отметила, что у внучки есть талант, и отдала ее в школу с художественным уклоном.

Со временем Настя потихоньку успокоилась. Детская память не фиксирует печали надолго.

К тому же она стала школьницей, у которых, как известно, забот полон рот. Да и бабушка не давала внучке бездельни-

чать. Как только у Насти появлялось свободное время, Зоя Семеновна просила девочку помочь по дому. Так что к десяти годам Настя уже умела вполне сносно убирать квартиру, могла приготовить простые блюда, прекрасно ориентировалась в магазинах, зная, как и на чем можно сэкономить.

У бабушки с внучкой не было проблем: Настя хорошо училась, причем самостоятельно, была аккуратной, покладистой и послушной. И очень ласковой. Соседки завидовали Зое Семеновне:

– Повезло тебе с внучкой. Наши словно ежики: ни приласкать, ни по голове погладить. Еще и нагрубят. А твоя – ангелочек просто.

Они представить не могли, что вдобавок ко всему девочка никогда не просит денег на свои нужды. Знает: лишних в доме нет.

Но каждая бабушка была девочкой. Вот и Зоя Семеновна отлично понимала, что внучке нужны деньги на личные расходы. И она предложила Насте их заработать.

– Бабуль, как я могу заработать? Я же маленькая.

– А я старенькая. Но зарабатываю же. Смотри, носки вяжу. Людям продаю. И им радость, и нам польза.

– Так я же не умею.

– А я тебя научу, только попозже. У меня другая идея есть. Знакомая говорила, что в Доме Творчества постоянно работает выставка рукоделия. Если что-то покупают, деньги отдают мастеру. Так что – дерзай.

И Настя взялась за дело. Очень быстро научилась вязать крючком салфетки, шить прихватки. Делала маленькие статуэтки из папье-маше.

И, что удивительно, работы девочки раскупались очень быстро. Так что пусть и небольшие, но карманные деньги у Насти не переводились. Она даже предлагала бабушке ими поделиться, но Зоя Семеновна отказывалась:

– Сама заработала – сама и трать. Только с толком, с пользой. И тебе хорошо, и семейному бюджету помощь.

Шли годы. Настя окончила школу, пошла работать на швейную фабрику. Через год поступила в университет на заочное отделение.

Там она встретила будущего мужа.

Два года молодые люди встречались, потом подали заявление в ЗАГС.

Бабушке жених Насти очень понравился. Такой же, как внучка: добрый, заботливый, трудолюбивый.

Как-то Зоя Семеновна сказала ему:

– Береги, внучек, мою девочку. Никого у нее скоро не останется, кроме тебя. Не сомневайся, Настя тебе будет хорошей женой. А мне бы правнука дожидаться...

И как в воду глядела: умерла через два месяца после того, как родился правнук Сережа. Настя назвала его в честь отца – сына любимой бабушки.

Когда Зоя Семеновна первый раз взяла малыша на руки, даже всплакнула:

– Глаза-то – дедовы...

Последние дни бабушка все больше лежала, держала внучкину ладонь в своих мозолистых руках и нежно поглаживала.

Ее глубокие синие глаза выражали столько любви, что, казалось, в комнате становилось светлее.

– Спасибо, – тихо сказала бабушка и закрыла глаза.

Через месяц после похорон Настя с мужем поехали в бабушкину квартиру. Нужно было навести порядок, разобрать вещи.

Там Настя наплакалась вволю. Каждая вещица, каждая чашка в доме напоминали детство, в котором она, несмотря ни на что, была счастлива рядом с единственным родным человеком – бабушкой.

Муж достал с антресольей большую коробку, которую Настя никогда не видела.

Открыв ее, она ахнула: здесь лежали вязанные салфетки, прихватки из лоскутков, прочие поделки, которые когда-то Настя относила в Дом Творчества.

Получается, она относила, а бабушка покупала и приносила назад?

– Зачем, бабушка? – произнесла Настя вслух.

– Видимо, Зоя Семеновна хотела, чтобы ты не расстраивалась и верила в свой талант, – предположил муж Насти, который был в курсе той истории.

– Жалела меня... Вот и скупала мое рукоделие. А я в себя

верила! И деньги зарабатывала. Самостоятельной себя чувствовала, взрослой. Ох, бабушка... Спасибо тебе...мамочка моя...

Бабушкины пирамиды

У бабы Маши восемь внуков, всех она любит, каждого привечает. Но Аленка – дело особое. Старшая внучка выросла у бабушки, и это была взаимная любовь, счастливое совпадение.

Света рано родила Аленку, еще и девятнадцати лет не исполнилось молодой маме. Побыла в декретном годик и побежала на работу. Устала в четырех стенах сидеть, да и деньги семье нужны: на квартиру сразу стали собирать, чтобы не застрять на полжизни в общежитии.

Свекровь во внучке души не чаяла: очень уж малышей любила, да еще о девочке мечтала, потому что сама четверых сыновей вырастила. Так что на семейном совете долго не совещались. Решили не отдавать Аленку так рано в садик, а отправить к бабе Маше.

Свой дом, сад-огород, козы, куры. Благодать для ребенка! Главное – бабушка согласна и живет в городской черте. Ну а родители, которым по двадцать лет, что греха таить, только и рады чадю несмышленное кому-нибудь подбросить. Не зря ведь говорят, что сначала бог дает детей, а вот ум, чтобы их правильно растить и воспитывать, появляется у человека сильно позже.

Сначала Светлана прибегала чуть ли не каждый день, потом реже. Ей с дочкой не очень было интересно, мысли кру-

тились вокруг работы, как-то не получалось ребенка занять, девочка капризничала, мама нервничала.

Бабуля – другое дело. Она умело вовлекала Аленку в свои дела. Бабушка и внучка вместе пасли и доили коз, кормили кур, пололи грядки (мелкая в основном топтала), подметали двор, убирали в доме... По вечерам читали сказки.

Больше всего Аленка любила хозяйничать на кухне. Бабушка сшила ей и себе одинаковые фартуки и, когда готовила, все малышке рассказывала, давала полепить из теста, а когда девочка подросла, так и порезать, почистить что-то разрешала. Потом они садились за стол, с аппетитом ели и сами свою стряпню нахваливали.

Мыть посуду в доме без удобств – та еще песня. Но для маленькой девочки это было самое интересное. Баба Маша ставила две миски: одну большую, для себя, вторую поменьше – для «помощницы». В первой все сама отмывала, а во второй самозабвенно полоскала тарелки и чашки Аленка. Слабонервным на это трудно было смотреть.

Малышка заливала водой стол, пол и по самые уши – саму себя. Почти каждый раз что-то разбивала. Мама Света, когда приезжала в выходные или в отпуск, заводила свои порядки, девочку от миски оттаскивала, ссорилась со свекровью из-за того, что та позволяет ребенку баловаться. Мол, это не помощь вовсе, а вредительство одно.

Баба Маша улыбалась:

– Да этой чашке сто лет в обед. Пусть. Аленушка мала, ей

же интересно.

Интересно было не только ручками в воде плескаться. Волшебство наступало потом: чтобы посуда высохла, ее надо было перевернуть на полотенце вверх дном. Это было дело для Аленки. Что-то бабуля вытирала, а остальное внучка превращала в затейливую пирамиду: на чашку ставила тарелки, на них – мисочку, в нее – вилки-ложки. Конечно, в конце концов случался «бабах».

Так уж вышло, что родители забрали Аленку почти перед школой, сразу в новую квартиру. Довольно быстро Света поняла, что дочка – ее лучшая помощница. Она могла что-то простое приготовить, легко, словно играя, убирала в комнатах, ее смело можно было отправить в магазин.

Но был один пунктик, от которого маму прямо подбрасывало. Пирамиды из посуды. Нет, Аленка знала, что в новой квартире чашки и тарелки надо ставить в сушилку. Но делала это разве что под маминым присмотром. Когда же Светы не было, на кухне обязательно «вырастали» бабушкины пирамиды.

Кто же знал, что как раз они...

На день рождения родители подарили Алене дорогой телефон. Ей исполнилось двенадцать лет. Самостоятельная девочка, отличница, понимает, что к вещам нужно относиться аккуратно – так рассудили. Только ошиблись. На радостях именинница похвасталась одноклассникам, а потом, когда ехала домой, держала смартфон в руках и заметила, что

какой-то парень не сводит с него глаз.

Когда Аленка увидела, что попутчик вышел на ее остановке, душа у нее ушла в пятки. Не оглядываясь, девочка ускорила шаг. Заскочила в квартиру и в спешке не закрыла за собой дверь. Парень зашел вслед.

Испугавшись, девочка бросилась в кухню и ненароком зацепила свою «пирамиду Хеопса»... Раздался такой грохот, что незваного гостя как ветром сдуло.

Мама с тех пор на пирамиды перестала раздражаться, а историю эту в семье часто вспоминают. Со смехом и, конечно, с искренней благодарностью бабе Маше.

Хорошая примета

Бывают в жизни удивительные дни и поразительные совпадения. Такие, о которых спустя годы говорят: судьба. Сашка свою встретил в мамин день рождения. Расцветал май, и это была единственная в году пятница, 13-е.

С утра они с мамой в очередной раз пошутили над мистической датой – с некоторых пор Сашка стал вести отдельный календарь ее личных «тринадцатых пятниц». В 2016-и как раз случилась седьмая за 44 года. Вы знаете, что число «13» выпадает на пятницу от одного до трех раз год? И всегда это случается тогда, когда месяц начинается в воскресенье. Закономерности Сашка вычислил еще в школе – он обо-жал праздновать мамин день рождения. Папа всегда устраивал что-нибудь неожиданное, а уж если день выпадал на пятницу, это был просто улет.

Один раз, когда Сашке было десять лет, они подарили маме щенка лабрадора. Три месяца тайком обсуждали, потом ездили выбирать собаку, дальше несколько недель нужно было ждать и хранить секрет... Разве можно такое забыть? А через шесть лет – эти пятницы случаются не так уж часто! – отец подарил маме поездку по Европе. Она мечтала побывать в Барселоне.

Увы, через два года отца не стало. Праздники стали лишними. Отмечали скромно. Ранним утром Александр вручил

имениннице подарок – красивую турку для кофе, цветы. Возвращаясь с работы, купил любимый мамин торт. В тот момент, когда выходил из магазина, на асфальт упали крупные капли. Глянув на небо, подумал – успею, тут всего ничего до дома.

Метров за двести до подъезда ливень хлынул стеной. До крыльца Саша добежал, успев вымокнуть до нитки. Следом за ним под крышу заскочила девушка с огромным букетом. Такая же мокрая и растерянная. Глянув на парня, улыбнулась:

– Это я виновата – утром сказала, что дождя точно не будет. Лишь бы зонт не брать.

Сашка расхохотался – уж больно смешно они оба выглядели. И поддержал:

– А я люблю дождь и не люблю зонты – они прячут небо.

В этот момент шпагат на коробке развязался, и торт упал крышкой вниз. Хоть это и был «Киевский», он стал похож на цветное месиво.

– Это все пятница, 13-е, – девушка попыталась утешить незнакомца.

– Ага, и в это день родилась моя мама, – поднимая коробку, Саша раздумывал, что с ней делать.

– А вы здесь живете? Я тоже несу цветы имениннице – курьерская доставка.

– 53-я квартира?

– Да.

Саша знал, от кого букет. Конечно, это дядя Гена – давний друг семьи, папин одноклассник. Он в командировке, прийти не мог. Но поздравить не забыл, приятно.

... Открыв дверь, мама ахнула: насквозь мокрые, ребята протягивали ей слегка облезлый букет и то, что три минуты назад было тортом. Но не растерялась. Сразу пригласила Оксану – так звали девушку – на ужин. Быстренько ее передела и сказала, что не выпустит, пока одежда не просохнет. Немного смущаясь, девушка согласилась.

Цветы поставили в самую красивую вазу, сели за стол и подняли бокалы под мамин тост:

– Знакомство под дождем – хорошая примета. А уж такой ливень обещает что-то необыкновенное.

После ужина решили все-таки попробовать помятый торт. Ели его прямо из коробки ложками. Провожая Оксану домой, Саша уже понял, что пропал – понравилась ему девушка. Договорились встретиться в выходные.

Собираясь на свидание, Саша спросил у мамы:

– Слушай, она и так среди цветов живет – может, не стоит букет брать?

– Купи шоколад – не ошибешься.

Угадал! Оксана оказалась сладкоежкой, как и его мама. Со временем он понял, что женщины во многом похожи – обе любят сладкое, обе оптимистки и умеют любую проблему обратить в шутку.

Не прошло года, как Саша с Оксаной поженились. Жи-

вуют дружно, строят квартиру. Мама с невесткой быстро стали лучшими подругами.

... А недавно и дядя Гена решился. Сделал, наконец, маме предложение. Так что семья готовится к новой свадьбе. Конечно, 13 мая 2022 года, в пятницу.

Тайна

В поселке городского типа, больше похожим на деревню, жила-была девочка Лариса. Однажды мама, которая верила во всякую мистику, взяла дочку с собой к местной гадалке.

Та раскинула карты и сказала:

– Счастливой будет твоя Лариса. Все у нее сложится хорошо. Вот только мужика рядом с ней не вижу.

Ларисе тогда было лет десять. Слова таинственной старухи врезались в память, хотя девочка толком не поняла, что услышала.

И вот прошли годы. Лариса выросла статной, красивой. Местные парни сходили по ней с ума. Но девушка ни на ком не останавливала окончательный выбор. Встречалась то с одним, то с другим.

После школы поступать никуда не поехала, хотя училась хорошо. Осталась работать на местном молокозаводе. Поговаривали, что у нее роман с каким-то начальником, но вместе их так никто и не видел.

Женщины в цеху говорили новенькой:

– Смотри, Лариса, не застрянь у нас, а то не заметишь, как жизнь пройдет. Ехала бы лучше в город. С твоими данными тебя там с ногами и руками оторвут.

Лариса слушала, улыбалась и ничего не отвечала.

И вдруг по поселку пронеслась новость: а Лариска-то –

беременна!

И пошла аналитическая дискуссия о том, кто и когда успел «осчастливить» первую местную красавицу? Думали, гадали, но так и не узнали, кто же является отцом ребенка.

Мать Ларисы долго не думала:

– Доигралась? Опозорила! Живи теперь как знаешь. На меня не рассчитывай. Сумела сделать, сумей вырастить. И еще: думай, где жить будешь. Здесь вы мне не нужны. Даю месяц.

– Хорошо, мама, – спокойно ответила Лариса, – я уйду. Только потом не зови обратно.

Через две недели Лариса купила небольшой домик со всей домашней утварью. Повезло, как считали соседи: дети забрали хозяйку в город и продали дом за копейки. Где беременная Лариса взяла даже эти небольшие деньги, так и осталось тайной.

А дальше начались чудеса. Домик очень быстро был приведен в порядок, стал выглядеть современно. Вокруг появился новый забор, а во дворе – колодец. Приезжали какие-то люди и быстро все это делали.

Потом соседи видели, как доставка привезла Ларисе коробки с бытовой техникой и что-то из мебели. Сама Лариса ходила счастливая, всем улыбалась. Словом, совсем не похожа была на несчастную брошенку.

Осенью у нее родился сын Антошка. Во дворе аккуратного домика появилась новенькая голубая коляска. Лариса

быстро восстановилась после родов. Стала краше, чем была. Всегда подтянутая, хорошо одетая, она шла по поселку с высоко поднятой головой и выглядела абсолютно счастливой.

Дома она, конечно, вкалывала: маленький ребенок, приусадебный участок, печку, опять же, надо вытопить, в магазин сбегать, да и стирки с малышом – ворох. Но молодая мать не унывала. К работе была приучена с детства, поэтому со всем справлялась. Никогда никому не жаловалась.

Соседки, видя, что Лариса – большая труженица и человек хороший, постепенно с ней подружились. Даже с Антошкой посиживали, когда ей нужно было куда-то сбегать. Почему не помочь?

И с огородом выручали: то мужей пришлют, чтобы грядки сделали, то сами с прополкой помогут. Но это так, по мелочи. В основном Лариса справлялась сама.

Антошке было около двух лет, когда одна из соседок прибежала к другой с вытаращенными глазами:

– Ты видела?

– Что?

– Лариска-то наша – опять понесла!

– Да ладно, тебе показалось!

– Ничего не показалось. Сама посмотри!

И снова о Ларисе заговорили в поселке. Чего только не болтали! Но больше всего каждому было интересно: кто же на этот раз «обрюхатил» красавицу?

Удивительно, но предположений так никто и не выдвинул.

Ну не видели ее ни с кем!

Лариса на сплетни внимания не обращала. Жила как жила. Только вот на подворье банька появилась. Газовики от маршрута отклонились и провели ей газ. В огороде современный парник нарисовался из поликарбоната. Недешевый.

– Спрашивается – откуда у одинокой бабы такие деньжища? – говорили в поселке. – Не иначе поклонник у Лариски – большой начальник.

Однако тайна Ларисы осталась нераскрытой и на этот раз. Вскоре у нее во дворе снова стояла та же голубая коляска. У Антошки появился брат Сережа.

А еще через два года брат Миша.

Троих сыновей родила Лариса, и никто не знал, от кого.

Кто-то над ней откровенно смеялся, считал ненормальной. Кто-то, видя, что дети у женщины здоровенькие, ухоженные, сама не пьет, работает день и ночь, восхищался ее смелостью.

Кто-то тыкал в нее пальцем, называл последними словами и на ее примере пытался урезонить своих дочерей.

Мать Ларисы не понимала ее, стыдилась. Не пыталась помочь и познакомиться с внуками.

А Лариса по-прежнему ходила с высоко поднятой головой и ни на кого не обращала внимания.

Прошло время. И вот однажды к дому Ларисы подъехала шикарная машина. Из нее вышел директор молокозавода с огромным букетом цветов. Он зашел в дом, и пока там нахо-

дился, вокруг собрались соседи, другие жители поселка. Все недоумевали:

– Что происходит? Зачем Сергей Петрович появился к Ларисе среди бела дня? Да еще с букетом?

Директора в поселке очень уважали. Люди знали, что год назад он похоронил жену. Женщина много лет была прикована к постели, и он сам за ней ухаживал. Прибегал, конечно, к помощи сиделки, но не отказался, не бросил супругу до последнего дня.

Когда Лариса вышла проводить гостя, вокруг было так много народа, что она даже растерялась. А Сергей Петрович привлек ее к себе и публично поцеловал. А потом громко, чтобы все слышали, сказал:

– Лариса согласилась стать моей женой. Мы и наши сыновья приглашаем всех на свадьбу.

Повисла гробовая тишина. Люди во все глаза смотрели на счастливую пару и не верили своим глазам. Только сейчас все поняли, кого им напоминали Ларискины мальчишки.

Со всех сторон посыпались поздравления.

После пышной, многолюдной свадьбы Сергей перевез Ларису с детьми в свой дом. Грузить вещи помогала вся округа. А еще через год в семье родилась долгожданная девочка. Вот и верь после этого гадалкам.

Белая кружка

Большая, с золотым ободком и какая-то очень домашняя, она стояла на третьей полке в дальнем углу. Ольга протянула руку – кружка легла в нее как родная.

– Ну, здравствуй, теперь будем вместе жить, – сказала девушка.

Увидев надпись, улыбнулась:

– Надо же – Вадим в нежных цветочках. Эстет.

На донышке нашлась надпись. Тоненькая гравировка «Вадиму от мамы». Наверное, она специально сыну такую уютную кружку дала с собой, чтобы дом напоминала. Видно было, что кружка старая – внутри глазурь пошла трещинками. Но, разобрав вещи, Ольга заварила себе чай именно в ней. Знаете, бывают какие-то особенно «вкусные» кружки. Так вот эта была она, «вкусная» для Ольги кружка.

Девушка сидела в комнате одна – чуть ли не первой заехала в общежитие. Пила чай и представляла себе Вадима, который оставил памятную вещицу. Думала: «Интересно, он жил в этой комнате или забыл ее тут в гостях?». Вспоминала выпускные экзамены, волнения и надежды, поступление...

Теперь она студентка! Впереди интересная жизнь, новые друзья. Ольгу не покидало ощущение близкого счастья. И не зря. На следующий день заехала Катя, потом Лена с Аней. Отличные девчонки, простые и веселые. Поладили быстро,

и дружат по сей день.

Но вернемся к истории с кружкой. Соседки частенько над Ольгой подтрунивали, когда видели ее с кружкой «Вадим» в руках. Стали в шутку между собой звать ее Вадимовной.

Приближался первый совместный для них Новый год. Однажды вечером, когда девчонки сидели за ужином, в дверь постучали. На пороге стоял незнакомый парень. Вошел и сразу уперся взглядом в чашку, которую Оля держала в руках. Да, это был тот самый Вадим. И пришел он за той самой кружкой.

Ситуация у него была простая. Два года назад, сдав всего одну сессию, он забрал документы: понял, что будущая специальность не нравится. И весной получил повестку в армию. Отслужил и снова поступил учиться, только в другой университет:

– Так что я теперь тоже первокурсник. Вспомнил про мамину кружку и вот, пришел проверить – вдруг сохранилась. Она мне дорога как память.

Ольга вздохнула:

– Очень вкусная ваша кружка, я уже к ней привыкла. Но даже рада, что она вернется к законному владельцу.

История на этом не закончилась. На следующий день Вадим снова пришел к девушкам – с новой кружкой и тортом. Конечно, устроили чаепитие. Оказалось, Ольга и Вадим – земляки, из одного города.

Вскоре Вадим нашел Ольгу в социальной сети, подал за-

явку в друзья. Почему бы и нет? Ребят тянуло друг к другу, они стали переписываться, потом встречаться. Вместе ездили домой на каникулы, познакомились с родителями друг друга. К концу учебы ни у кого не было сомнений, что они вместе навсегда.

Началась взрослая жизнь: работа, заботы... Родился сын, а это уже совсем другая ответственность. Но по вечерам, переделав все дела, они по-прежнему садились пить чай. И непременно из своих студенческих кружек.

С любимыми не расставайтесь

– Гена, прости, не могу больше так жить – мы стали безразличны друг другу, давай признаем это и закончим наши отношения.

– А Катька? Ей же всего два, как она без отца?

– Можно подумать, сейчас она с отцом.

Прозвучало обидно. Возразить было нечего: почти всегда Гена уходил и приходил, когда дочка еще спала. Да, надо зарабатывать. В выходные хочется отдохнуть. Только зачем себе врать? Маленький ребенок был ему неинтересен, он не знал, чем ее занять. Да и Лена с первых дней коршуном летала – слушала свою маму и не доверяла ему ребенка. Через месяц теща уехала, но правила ее закрепились.

Так и пошло. Лена провалилась в материнство, Гена, взяв на себя материальное обеспечение, жил на работе. Хотя, мог, конечно, приходить раньше, только желания не было. Но предложение развестись застало его врасплох. В конце концов, он просто делал то, что просили: не мешал, не лез в женские дела. Ждал, когда ребенок подрастет.

Услышав о разводе, Гена мгновенно вспомнил день, который перевернул его жизнь.

Ему было лет десять, но все, что произошло, он видел в деталях, будто пережил вчера. Отец позвал его со двора домой. Нехотя Гена поднялся на третий этаж. Едва открыв

дверь, почувствовал: происходит что-то необычное. Родители сидели в детской, оба какие-то напряженные.

После томительного молчания заговорила мама:

– Гена, папа теперь будет жить отдельно от нас. Мы с тобой останемся вдвоем.

Новость оглушила. В тот момент Гена вспомнил одноклассника, у которого разошлись родители. Отец у него пил, в доме стояла ругань и драки. Тот мальчик разводу был даже рад. «Но у нас же все хорошо, мама с папой ссорятся редко», – подумал Гена. Но сказать что-то он не смог. Да и зачем? Его мнение никого не интересовало, взрослые просто поставили ребенка в известность – теперь ты будешь жить вот так.

Принять все это Гена долго не мог: замкнулся, запустил учебу. Переживал. Отец поначалу приходил часто, потом все реже и реже. Гена думал, что пришел в себя, когда узнал, что папа женился и уехал в другой город. И хотя они с мамой жили дружно, мальчик остро почувствовал, как сильно ему не хватает отца. А теперь его совсем не будет рядом!

... Прошли годы. Он сам муж и отец. Как вышло, что жена хочет разрушить семью? Гена признавал: они стали чужими людьми, живут как соседи по коммуналке. Единственное, что их связывает – маленькая дочь. Услышав, что жена хочет все прекратить, Гена вспомнил развод родителей и пришел в ужас:

– Лена, прости меня. Ты права в том, что мы отделились

друг от друга. Но, знаешь, давай подумаем о Кате, о ее будущем. Если бы мама с папой спросили меня когда-то, как им поступить, я сказал бы: все, что угодно, только не развод! Мы же взрослые люди, надо как-то договариваться, решать проблемы и не ставить под удар детей.

Подумав с недельку, Гена предложил некоторое время пожить на расстоянии. На работе как раз искали желающего уехать на полгода на Север, он вызвался. Подумал: «Да, это далеко, но я останусь мужем и отцом, которого будут ждать дома».

Долгими вечерами он искал причины того, что произошло. Ведь никто из них не имел историй на стороне. Решил, что оба вели себя эгоистично, ушли в себя, не хотели слышать друг друга, выбрали легкий путь. Но главное: он стал скучать. Сильно. Ему снилась маленькая Катя, а жена стала казаться любимой и желанной. Но он хранил молчание, как они договорились. Оба хотели понять, остались ли еще чувства или надо начинать новую жизнь.

... После долгой разлуки Лена с Геной встретились как в первый раз. Он приехал неожиданно, сюрпризом. Позвонил в дверь. Увидел, какой радостью вспыхнули глаза жены, и все понял: его ждали! Он дома.

За ужином Лена сказала, что полгода одиночества стали для нее настоящим испытанием:

– Знаешь, я просто не понимала, как много для меня значит то, что каждый день ты приходишь домой. А когда при-

шлось делать все то, что ты делал, самой... Это так трудно – замечать и видеть хорошее. Ценить то, что есть. Хорошо, что ты не послушал меня: мы с Катей очень скучали по тебе и писали тебе письма.

Через пять лет родился Артемка. Счастливый отец носился с ним с первых дней: купал, вставал по ночам, ходил гулять. Глядя на сонного сына, он радовался, что сумел сохранить семью, не потерял жену и дочь, хотя вполне мог бы.

Пачка конвертов до сих пор лежит в серванте – на видном месте, перевязана лентой. А Гена с Леной любят говорить, что прошли испытание «воспалением эгоизма». Через сомнения и расстояния они снова стали семьей. И очень этим дорожат.

Предательство

Учебный год подходил к концу, когда в военный городок приехала новая семья с дочкой-девятиклассницей. Лара вместе с родителями жила до этого в Польше: в то время советские воины еще служили за границей.

Девушка поразила сверстников активностью, внутренней свободой и какой-то бесшабашной упертостью.

– Она была на концерте «Машины времени»! Да она небожительница! – шептались мальчишки и девчонки во дворе.

А когда на школьном вечере Лара хуком справа врезала какому-то парню, то ее имя вообще стали произносить с придыханием.

Поэтому «свита» вокруг Лары сформировалась очень быстро. К тому же девушка подкармливала всех, кто ее сопровождал, польскими жвачками, которые в то время были не просто дефицитом, они были весточками из другого мира.

Наташа ходила за Ларой по пятам. На время она даже забыла о своей подруге Оле, с которой они вместе выросли и считались неразлучными. Девочки во всем помогали друг дружке. Оля частенько решала Наташины задачки: той не очень давалась алгебра и физика. Писала за нее сочинение: грамотность Наташи хромала на обе ноги. Даже передник по труду Оле пришлось шить вместо Наташи: ну не любила та нитки с иголками.

Наташа принимала заботы Оли как должное. Так повелось с раннего детства, когда девочки заселились в один дом. Отец Оли почему-то сразу невзлюбил Наташу. Маленькая соседка вызывала у него неприятные чувства, и он запретил дочери «играть с этой девочкой».

Но Оля нарушила запрет в первый же день. Она любила Наташу. Чувствовала, что та слабее, хотя они были ровесницами. К тому же у Наташи не было отца: он погиб во время каких-то учений. И Оля, как истинная дочь офицера, считала себя просто обязанной заботиться о подруге-сироте.

Так вот Оля не разделяла восторгов Наташи по поводу Лары. Не стремилась попасть в ее свиту. Не заглядывала ей преданно в глаза. Лара, чувствуя, что Олю во дворе и в школе уважают, возненавидела «конкурентку». А потом решила проучить и распустила слух, что Оля ее обворовала. Мол, пришла в гости, побыла, а когда ушла – исчезло мамино золотое колечко.

Все, конечно, возмутились. Тем более что Лара рыдала, говорила, что теперь родители запретили кого бы то ни было приводить в гости, а ее саму не пускают гулять, чтобы не водилась с «ворами и отщепенцами».

Ребята обижались, что их так называют, и переживали, что с Ларой теперь можно общаться только в школе и на остановке, откуда детей военных каждое утро отвозили в школу. Поэтому они с легкостью отозвались на призыв Лары: – Давайте объявим Ольге бойкот!

Утром Оля пришла на остановку. Многие ребята уже были там. Она поздоровалась, но никто ей не ответил. Вдобавок друзья, с которыми она общалась с детства, демонстративно отвернулись.

Оля не стала настаивать и отошла в сторону.

Это повторялось каждое утро. Более того, многие одноклассники тоже перестали с ней разговаривать: ребята из военного городка и их настроили против Оли.

Сказать, что она страдала – ничего не сказать. Особенно когда узнала, почему ей объявили бойкот. Девочка не могла понять, как ребята, которых она знала много лет, так легко поверили, что она воровка. Но больше всего Ольгу убивало, что Наташа примкнула к ее гонителям. Ведь она была самой близкой подругой!

Тогда Оля не знала, что предать может только кто-то близкий. Чужим до человека и так нет дела.

Бойкот продолжался до последнего учебного дня и плавно перетек в летние каникулы.

Все лето Ольга была одна. Никто с ней так и не общался. Что пережила девочка за три месяца, знала только она. И вывод, который она для себя сделала, был однозначным: дружбы не существует, никому верить нельзя.

В конце августа кто-то из ребят встретил маму Лары. Она поинтересовалась, почему ребята перестали приходить в гости. Когда ей напомнили, что она сама им запретила из-за украденного кольца, женщина растерялась и машинально

спросила:

– Какого кольца?

Так все узнали, что Лара их обманула. Зачем она оклеветала Олю, разбираться никто не стал. А к Оле сходить ребята постеснялись: им было стыдно, и они просто не знали, что ей сказать.

Первого сентября на остановке все сделали вид, что ничего не произошло. Бывшие теперь уже друзья стали разговаривать с Олей как ни в чем ни бывало.

Они пытались все исправить, наладить отношения, но Оля вежливо отвечала на приветствия и отходила в сторону.

Так прошел последний школьный год. Предательство друзей Оля так и не смогла забыть. А Наташе, которая несколько раз просила прощения, Оля сказала:

– Я тебя давно простила. Вот только дружбы у нас больше не получится.

Прошли годы. Оля со своей семьей по-прежнему живет в том военном городке, как и многие друзья ее детства. Все думали, что со временем она забудет тот конфликт, но нет, женщина так и не начала ни с кем из них общаться.

Сейчас нее есть друзья, но обрела она их в зрелые годы. И друзей этих всего двое. Зато они настоящие – Ольга убеждалась в этом не раз.

Наташа продолжает приходить к подруге детства. Особенно когда у нее что-то случается. Ее личная жизнь сложилась

неудачно, она одинока. Поэтому каждый раз, когда нужна помощь, она вспоминает про Олю. Последний раз просила навестить ее в больнице, принести необходимые вещи: ее забрала скорая. Ольга молча выручила бывшую подругу и так же молча ушла.

Наташа часто плачет:

– Оля, у меня никого нет, кроме тебя. Неужели ты меня никогда не простишь? Ты же моя единственная подруга!

– Ты что-то путаешь, Наташа, – неизменно отвечает Оля, – никакая ты мне не подруга. Мы просто учились в одной школе.

Иногда Ольге кажется, что она давно забыла ту юношескую историю и простила обиду. Но боль так и живет у нее внутри. Сидит тихонько и отравляет существование до сих пор. А ведь Оле уже за пятьдесят!

Всю жизнь ей было трудно доверять людям. Она всегда и всюду искала подвох, тайный умысел, угрозу своему благополучию.

И дочь так воспитала, и сына. Про них окружающие так и говорят:

– Одиночки. Себе на уме. Будто боятся чего-то. И никто им не нужен...

Большая семья

«Три сестры» – это у Чехова. У Геннадия их пять. Четыре – старшие, одна – младшая. Все, кроме Маши, уже замужние, «городские», у всех дети...

Семья большая, дружная: если надо, что-то делают вместе у кого-нибудь на даче или вскладчину покупают нужное кому-то, привечают студентов-племянников и, это уж обязательно, празднуют вместе. Правда, народу так много, что всей родней, с детьми и мужьями, собираются не чаще раза-двух в год – в дни круглых годовщин по папе с мамой, ну и по серьезным поводам вроде свадеб, юбилеев, поминок.

Одна дата для всех – особенная. День свадьбы родителей. Они прожили вместе почти шестьдесят лет и всегда, в любые времена, дату бракосочетания отмечали как главный семейный праздник. Никто из детей, даже когда выросли, не смел пропустить этот святой для родителей день. Хоть один из семьи – дочь ли, внук или внучка – во что бы то ни стало ехал в гости к бабушке с дедушкой.

По правде говоря, пока живы были старики, эта требовательность сестер и брата иногда раздражала. Ну что такого, если Маша или Надя не приедут? За столом и без них яблоку негде упасть. Но дед был непреклонен: хоть камни с неба, за столом должны быть представители от каждого отпрыска, а лучше бы и все внуки. Стоило кому-то начать увиливать,

пытаясь соскочить по уважительным причинам, он упорно названивал со своим коронным:

– Праздновать надо каждую дату, до которой дожили.

И не отставал, пока не добивался своего – твердого решения прислать делегата на очередной семейный «съезд».

Дети войны, они умели ценить все, что у них было. Каждый день. Каждый год. Каждую весну. Каждого человека. Каждую тарелку на столе. Каждую пару ботинок. Не забыть ведь это пресловутое:

– В смысле тебе надеть нечего? Сейчас найду...

Это были времена, когда вещи принято было чинить, а не выбрасывать, отношения – беречь, а не заканчивать из-за всякой ерунды.

Как бы то ни было, как бы кто ни хорохорился и ни бунтовал, родители привили детям чувство локтя, доверие друг к другу и оставили им лучшее наследство: большую дружную родню, готовую, если надо, поддержать в тяжелый момент и разделить радость в момент счастливый. Конечно, кто-то общался ближе и чаще с одной или с другой сестрой, но в целом родственники ладили и поддерживали тесную связь, стараясь вовлечь и сдружить младшее поколение.

Так сложилось, что хозяином в родительском доме остался Геннадий, единственный и долгожданный сын. Рано овдовел, один растил двух мальчишек, мачеху в дом так и не привел. Сестры, ясное дело, помогали с племянниками. И невест ему каждая хоть раз да попыталась найти, только – тщетно.

В отца Гена вышел однолюбом. Со временем он и стал тем центром, вокруг которого продолжала вращаться вся большая семья. Поминальные дни и годовщину свадьбы основателей династии отмечали всегда там, где выросли – в родных стенах.

В один год Геннадий, хранитель традиции, попал в больницу. Это был первый раз, когда дети и внуки не собрались в родительском доме в главный праздник. Сестры отметили, кто с кем, но «съезда» организовать не смогли – никто не мог по техническим причинам собрать столько народу, а хозяйничать в доме Геннадия тоже ни одна не решилась. Как всегда бывает в таких случаях, одно нарушение правил привело к трещине. На следующий год на годовщину не приехала и никого из своих не смогла прислать Галя.

И сразу же, что называется, «первый звоночек». Раньше всех с праздника уезжала Алла, старшая сестра. Она дальше всех живет, путь домой под 300 километров. В тот раз привез ее с мужем сын на машине, спешил домой. Надевая обувь, Алла почувствовала, что молния на сапогах туговато застегивается. Подумала, ноги отекли – дальняя дорога, застолье. «Возраст, что поделаешь», – успокоила себя, обняла всех сестер на прощанье и отбыла восвояси.

Через пару часов звонок от средней, Валентины:

– Алла, ну ты даешь! Уехала в моих сапогах!

– В смысле?

– В прямом! Я стала сапоги надевать, а они мне велики,

голенище широкое. Смотрю – на размер больше, да и выглядят новее. Мы подумали-подумали и догадались, что никто, кроме тебя, не мог в моих сапогах уйти.

– Точно! Слушай, а я-то решила, что замок туго идет, потому что ноги отекли.

– Ну там темно у Генки, вот ты сослепу и не заметила, что в чужих, да еще в старых, сапогах уходишь. Что делать-то будем?

– Давай посылкой тебе завтра вышлю, а ты – мне. Ехать пока нет никакой возможности.

– Договорились!

Через год Геннадий снова собирает «съезд» и привычно раздает сестрам поручения: кому варить холодец, кому тушить голубцы, кому рубленую селедку делать, за кем салаты (под шубой – обязательно!) да выпечка. На этот раз Маша, младшая, не смогла быть. Ну и ладно. Не впервой, можно уже и отойти чуток от традиции. Съехались, поработали в огороде – в десять рук успели десять дел. Потом за полчаса накрыли богатый стол: все как мама любила, ее коронные блюда. Посидели, поговорили, пошутили, родителей вспомнили, на детей посмотрели, про свое детство внукам в сотый раз рассказали, друг другу что-то посоветовали.

А утром Геннадий нашел на кухне лишнюю крышку от большой кастрюли. Через пару недель с оказией передал одной из сестер:

– Ты же голубцы привозила? Может, твоя?

Оказалось, нет, и сестра отправила крышку дальше. Так или иначе, но за полтора месяца она побывала в трех городах и в пяти квартирах. И... вернулась обратно в родительский дом, причем очень вовремя: аккуратно в тот день, когда Геннадий решил капусту квасить. Вытащил из кладовки специальную кастрюлю, а она без крышки. Вечером приезжает сын Аллы и привозит крышку-путешественницу.

Они, конечно, посмеялись. Но Гена в ту же секунду, как крышку в руки взял, вспомнил посылку с сапогами. Неполный состав последних двух «съездов».

И сказал племяннику:

– Сердится дед. Нарушаем правила. Нельзя традицию терять. Будем исправляться. В следующем году – все как штык будут здесь, хоть камни с неба.

Наказание

Накануне переезда в новую квартиру, Андрей и Наталья долго не могли уснуть и тихонько шептались, чтобы не разбудить двухлетнего сынишку:

– Наконец-то мы будем сами по себе. Нет, твои родители замечательные, но я так устала от постоянного контроля, – Наташа покрепче прижалась к мужу.

– Да уж. Мне тоже порядком надоело быть вечным ребенком, – Андрей обнял жену, – теперь все будет иначе.

– Даже не верится, – прошептала Наташа.

– Тяжеловато тебе будет с Ванькой. Привыкла, что мама на подхвате.

– Ничего, справлюсь. Ты же поможешь, если что.

– Конечно, помогу.

– Вот бы еще с соседями повезло, – мечтательно сказала Наташа.

– Это точно, – уже засыпая, отозвался Андрей.

Через пару дней Наташа столкнулась с соседкой прямо в тамбуре новой квартиры и вскрикнула от неожиданности:

– Марина! Ты?

Это была ее сокурсница. Они учились в разных группах, подругами не были, но отлично знали друг друга.

– Ой, Наташа! Мы что – соседи?

– Получается, так!

На радостях женщины даже обнялись.

– Вот повезло так повезло! Невероятно! – Наташа была вне себя от радости.

– Зайдешь? – пригласила Марина.

– Давай завтра с утра. Наговоримся вволю.

Соседки общались много и часто. Наташа узнала, что Марина замужем, детей нет. Работает не по специальности. Устроилась нянечкой в детский дом и очень любит его обитателей.

– Не представляю тебя в подобной роли! Ты же лучшей была на курсе! И диплом у тебя красный, если я не ошибаюсь.

– Так я сначала в банке и работала. Потом вышла замуж. Когда стало ясно, что деток у меня не будет, расстроилась страшно. Я ведь так мечтала о малыше! Уговорила мужа усыновить ребенка. Пришла в детский дом, увидела ребятишек и потеряла покой. Не могла забыть их печальные глазенки. Бросила все и пошла туда работать. Теперь у меня не один, а целых тридцать детей. И каждый ждет свою порцию любви и ласки.

– Усыновлять не передумала?

– Нет, конечно. Есть у нас одна девочка – просто чудо! Умненькая, хорошенькая, ласковая. Я ее сразу заприметила. А теперь и душой прикипела. Она тоже ко мне привыкла, мамой называет.

– Большая?

– Шесть лет. Аленкой зовут. Мы уже документы оформляем. Скоро вас познакомлю.

Тот день, когда Марина привела домой Аленку и позволила в ее дверь, Наташа не забудет никогда. Увидев девочку, она похолодела внутри и чуть не потеряла сознание. Перед ней стояла точная копия ее самой в шестилетнем возрасте.

– Проходите, – с трудом произнесла Наташа.

– Знакомьтесь. Это моя дочь Аленка, а это тетя Наташа, наша соседка, – не замечая ничего вокруг, отрапортовала Марина.

Гости расположились в зале. Наташа предложила чайку с тортиком и, получив согласие, вышла на кухню. Прижав руки к груди и стараясь унять сердцебиение, она стояла, не шелохнувшись.

«Не может быть, – пульсировало в голове, – не может быть! Это не может быть она!»

Вернувшись к гостям, хозяйка не сводила глаз с девочки, пытаясь разглядеть каждую черточку ее лица, убедить себя саму, что ей все показалось.

Марина в это время подробно рассказывала, как забирала Аленку из детского дома, как ее провожали дети и воспитатели и как они счастливы, что наконец-то будут вместе.

Когда гости ушли, Наташа машинально подошла к окну. Взгляд устремился за горизонт. В памяти всплыли картины прошлого, которое Наташа старалась забыть.

После университета она поехала работать по распределе-

нию. То, что беременна, поняла, отработав месяца полтора. Не сомневалась, что отец ребенка – Игорь, парень, с которым она встречалась перед отъездом почти год, – откажется от ребенка. Да она и сама не собиралась связывать с ним свою судьбу.

Наташа обратилась к врачу, но оказалось, что уже поздно что-то делать. Придется рожать.

Всю беременность девушка прятала растущий животик, не ездила в родной город, не навещала родителей. Что она могла им сказать?

Страшное решение зрело постепенно. Оформлялось, опираясь на тысячу оправданий. Отправляясь в роддом, Наташа уже знала, что будет делать.

У нее родилась девочка. Кормить малышку Наташа отказалась сразу. А еще через три дня тайком сбежала из больницы, даже не подписав отказные документы.

С тех пор она не интересовалась судьбой дочери, наоборот, всячески старалась забыть о ее существовании.

Даже появление сына не смягчило ее сердца, из которого на протяжении нескольких лет женщина старательно изгоняла всякую память о первом ребенке.

И вот, пожалуйста: девочка сама пришла в ее жизнь. В качестве соседской приемной дочери.

– А, может, мне показалось? Может, это не она? – лихо-
радно думала Наташа, цепляясь за соломинку сомнений. –
Боже мой! Андрей! Он все поймет! Он же видел мои детские

фотографии! Это конец. Он бросит нас с Ванькой, когда все откроется. Не простит.

Жизнь Наташи превратилась в настоящий ад. Каждый день она ждала разоблачения. Встречаясь с Аленкой, испытывала муки совести и безотчетный страх. Ей казалось, что все вокруг уже поняли, в чем дело, и просто не говорят об этом.

Андрей видел, что с женой творится что-то неладное:

– Наташа, ты ничего не хочешь мне сказать? – спрашивал он, но, видя, как бледнеет жена от его вопросов, поспешно менял тему.

Шло время. Соседи, казалось, по-прежнему жили дружно. Марина часто оставляла Аленку у Наташи, которая никак не могла ей в этом отказать. Девочка охотно возилась с Ваней, говорила, что мечтает о маленьком братике. Сердце Наташи сжималось от этих слов. Нескончаемая пытка продолжалась. Наташа устала видеть Аленку и дрожать от страха каждый день.

Единственное решение, которое приходило на ум – переехать, обменять квартиру. Но как убедить в этом Андрея?

И Наташа придумала. Стала демонстративно ревновать его к Марине. Устраивать скандалы. А потом и вовсе подала на развод.

Андрей был в шоке. Он не узнавал жену. Разводиться не хотел, поэтому согласился переехать с ней и сыном в другой район.

Марина тоже ничего не понимала. Откуда взялась такая ненависть Наташи? Ведь она не давала ей и малейшего повода.

Словом, Наташа добилась своего: семья переехала.

Только легче женщине не стало. Уже который год она ездит в свой старый двор и издалека наблюдает за Аленкой, которой недавно исполнилось шестнадцать.

Зачем? Она и сама не знает.

Не зря говорят: у старых грехов длинные тени.

Бусинка

Занятие по истории было в поточной аудитории. Прямо за Игорем, выше этажом, сели парень и девушка – неразлучная парочка. По крайней мере, он постоянно видел их вместе.

Дело было в 1989 году, вместо «Истории КПСС» первокурсникам журфака преподавали «Политическую историю XX века». Тогда все перевернулось с ног на голову, некоторые предметы студенты изучали в основном по газетным и журнальным публикациям. Историю журналистики, например, и политическую – тоже.

Профессор был талантливый, увлеченный – почти никто занятия не пропускал. Но влюбленным, видно, политика была глубоко до фонаря. Они шептались и хихикали, как шкодливые старшеклассники. По звукам Игорю показалось, что половину лекции ребята играли в морской бой. В перерыве он заметил у парня редкую книжку – «Смена вех». Первую часть, «Вехи», он прочитал, а вторую все не мог найти.

Слушая лекцию, Игорь прикидывал, как бы познакомиться с парнем и заполучить книжку. На второй паре девушка постоянно прыскала со смеху, преподаватель сделал ей замечание. Голубки притихли, потом снова начали возню. В конце концов, девушка громко ойкнула, и все услышали звук рассыпавшегося гороха – порвались бусы.

Видимо, прикасаясь к подружке, парень что-то зацепил.

Когда лекция закончилась, сладкая парочка в четыре руки стала собирать бусины. Игорь им помог, но так и не успел спросить имена, ребята быстро ушли.

Он же, поднявшись и сделав несколько шагов, почувствовал: что-то мешает. Расшнуровал кроссовку и под пяткой нашел бусинку. Аудитория поднималась амфитеатром вверх, а он сидел ниже – вот бусинка и залетела.

«Увидимся – отдам», – с этой мыслью парень положил бусинку в карман.

Прошла неделя, другая, а хозяйка бусинки не попадалась Игорю на глаза. Учились парень с девушкой в другой группе, так что встречался он с ними на общих лекциях и в столовой. Потом пару раз он их видел, но все не было удачного момента подойти к девушке, которую он уже про себя назвал Бусинкой.

Она этому имени очень подходила: невысокая, полненькая, с хорошенькими ямочками на щеках, яркая и веселая. Игорь даже удивился, что столько о ней думает, ведь сразу как-то решил: «Совсем не в моем вкусе». Да и парень у нее уже был. А может, просто бусинка в кармане стала постоянным напоминанием о смешливой девчонке?

Случай познакомиться представился совершенно неожиданно.

Игорь зашел в буфет и, увидев длинную очередь, уже развернулся уходить. Но вдруг его позвали:

– Игорь, иди к нам!

Почти у прилавка он увидел своих знакомых незнакомцев – конечно, они снова были вместе. Он подошел. Бусинка деловито спросила:

– Чай с кренделем будешь?

Игорь кивнул, дал денег и пошел искать свободные места.

– А откуда вы меня знаете? – удивленно спросил он, когда они вместе уселись за столик.

– Мы тебя еще в первый день запомнили – на перекличке! Ты полный тезка нашего соседа по даче – Игорь Туманов, представляешь?

– У вас общая дача?

Ребята хитро переглянулись и почти хором ответили:

– Мы брат и сестра.

Двойняшки! И как Игорь раньше не заметил, как сильно они похожи. Только у Ольги волосы были другого цвета – Коля русый, а она рыжая. Во время чаепития они разговорились о книгах, об историке и, конечно, вспомнили о «Смене вех».

– Да, это очень интересный сборник. Сколько людей еще до революции точно предсказывали события, которые потом произошли! А сделать ничего не смогли. Если тебе горит, зайди ко мне в общежитие – я во втором корпусе живу. Ну, или я в рюкзак книжку брошу, встретимся.

– Зайду сегодня после пар.

У Игоря с двойняшками оказалось много общего, они стали дружить. На втором курсе Коля увлекся красавицей с дру-

того потока и все чаще оставлял сестру с другом. Оля все больше нравилась Игорю – у нее был легкий характер, с ней всегда было интересно.

... Спустя два года, как раз в тот день, когда порвались бусы, прозвучало предложение руки и сердца. Вместе с колечком Игорь вручил Ольге бусинку – ту самую, которую все это время хранил как талисман. Оля об этой ситуации даже не помнила, но роль бусинки оценила:

– Так вот кто не давал тебе меня забыть? Бусы-то – заговоренные, бабушка мне их на счастье подарила, она в них деда встретила. Мы с Колей из тех бусин, которые собрали, потом браслет сделали.

Коля, кстати, своей красавице тоже предложение сделал. И свадьбы Оля с Колей сыграли в один день.

Сирота

– Родион Сергеевич, вас какая-то женщина на вахте спрашивает, – доложил охранник боссу, – говорит, что она ваша мама.

– У меня нет родителей. Я с детства сирота. Явно мошенница. Гони ее в шею, – ответил начальник.

Он медленно подошел к окну и глубоко задумался. В памяти всплыли картинки прошлого.

Телефоны родителей Родион давным-давно занес в черный список. У него навсегда пропало желание общаться с ними, встречаться, и вообще, он действительно предпочитал считать себя сиротой.

А история такая. В три года Родиона забрали из семьи алкоголиков. Папа с мамой безбожно пили, редко вспоминали, что у них есть ребенок. Когда мальчика привезли в детский дом, он лихорадочно сжимал в руке кусок заплесневелого хлеба.

Бабушка по материнской линии жила далеко. Узнав о том, что произошло, она продала квартиру, добавила имеющиеся накопления и купила двушку на окраине города, где родной внук горевал в детдоме. Оформив опеку, забрала Родиона к себе.

Так и стали они жить вместе: бабушка и внук. Родителей Родя видел пару раз в год. Обычно они приходили к бабушке,

чтобы «занять» без отдачи денег. Сами алименты не платили никогда в жизни, потому что толком не работали.

Роман вырос, выучился, нашел перспективную работу. Сильно переживал, когда бабушки не стало. В тот момент отношения с родителями несколько улучшились. Родион понемногу общался с матерью, которая говорила, что с алкоголем завязала, нашла работу и «все осознала».

Момент «осознания» продолжался до тех пор, пока мать не получила от Родиона 30 тысяч предоплаты за памятник бабушке – мол, давай помогу, сынок, ты так занят на работе, это мой долг... Получив деньги, она исчезла. Родиону тогда было двадцать пять.

В последующие годы мать периодически появлялась в жизни сына, чтобы попросить денег.

Традиционно это были небольшие суммы – от одной до трех тысяч рублей. Родион понимал, что мать вспоминает о нем лишь для того, чтобы он раскошелился, и каждый раз обещал себе ничего не давать: все равно пропьет. Но стоило ей сказать «сынок» и начать лить крокодиловы слезы, как он сам, чуть не плача, отдавал ей то, что она просила.

Получалось, что два опустившихся алкоголика вили веревки из человека, который занимал руководящую должность, обладал множеством полезных связей, в подчинении которого было больше ста человек.

Однажды мать позвонила и, рыдая в трубку, сообщила: – Сынок, у отца на даче случился инсульт. Его без созна-

ния увезли на «скорой» в городскую больницу. Уже два часа возят по разным отделениям и не могут поставить диагноз. Счет идет на минуты...

Уже через минуту Родион трясущимися руками набирал номер одного очень влиятельного человека, который курировал больницу.

А дальше – картина маслом: звонит этот государственный муж главврачу, говорит, что «скорая» привезла пациента в тяжелом состоянии, что его надо срочно спасать, а врачи ничего не делают. Главврач побежал искать больного. И нашел. Оказалось, что папаша Родиона напился до белой горячки, упал на даче, ударился головой и три дня лежал без сознания.

Жена, которая отправила его окучивать картошку, только через три дня спохватилась, что мужика до сих пор нет дома.

Поехала на дачу и нашла его там.

Еще до звонка Важного Дяди доктора добросовестно обследовали больного. Не найдя ничего по своей части, отправили к другим специалистам. Жена все это время кричала, что ее муж капли спиртного в рот не берет. Словом, почти все врачи сбежались посмотреть на «особо важного» пациента...

А он выглядел как заправский бомж с характерным амбре и усиленно качал права. Так Важному Дяде и передали: пациента нашли, у него алкогольный абстинентный синдром, он орет и буянит на всю больницу. В общем, Родион хлебнул

позора по самое некуда.

Через пару дней мама позвонила и елеинным голосом попросила денег на лекарства — мол, в больнице ничего нет.

Родион, зная, что деньги матери в руки давать нельзя, сам поехал в больницу и поговорил со старшей медсестрой.

Выяснилось, что никаких лекарств отцу не надо. Зато медсестра поведала, что мать, приходя навещать мужа, рассказывает всем, что сын, которого они вырастили, отказывая себе во всем, хорошо зарабатывает, но им, старикам, не помогает, бросил на произвол судьбы и даже бабушке на могилу цветочка не принес. Словом, бессовестный, бездушный человек...

Вот тогда телефоны родителей и попали в черный список. Родион по этому поводу не переживал, считал, что поступает правильно. Действительно, сколько можно?

Бывших не бывает

Есть у моего мужа шапочный знакомый. Допустим, Саша. На вид – сама скромность и застенчивость. Пять раз был женат. Помню, когда узнала, аж присела от удивления.

Разговор зашел случайно: не имею привычки интересоваться личной жизнью посторонних людей. Просто какое-то время этот Саша довольно регулярно появлялся в нашей квартире, они с мужем тесно пересекались по работе, совпадали в интересах, часто делились друг с другом оборудованием. Саша хорошо разбирался в радиотехнике, а муж – было дело – подрабатывал вечерами таксистом, имел рацию в машине. В те времена, когда службы такси работали без мобильных приложений и водители знали каждую улицу без навигатора.

Так вот, как-то понадобился ему этот Саша «прям сейчас», кровь из носу – что-то с рацией случилось. Дома не нашел, у матери тоже. А когда отыскал, обалдел и со мной своим удивлением поделился:

– Сашка, прикинь, у третьей жены обитает – она в пригороде живет, в жару милое дело. Сбежал отовсюду, и координат не найдешь, даже мать не знала, где он. Повезло, Маринка, диспетчер, подсказала.

– У него три жены? – в свою очередь обалдела я.

– Пять.

– Что – «пять»?

– Жен пять. И три дочери – все от разных женщин. А живет он почти всегда у мамы.

Вот тут я и присела на табуреточку. Саша? Сублильный, невзрачный ну или, скажем так, совершенно обычный внешне, да и в общении ярким не назовешь. Машина у него такая себе, на троечку. Одежда – с самого дешевого рынка. В моей голове пять жен никак не вязались с этим образом. Знаете, есть такие мужчины: с каждой заигрывают, комплименты из них как горох сыплются, ручки шаловливые, шуточки пошлые. Вокруг таких, даже если они непосредственно на тебя внимания не обращают, всегда какой-то вихрь энергии охоты. Всегда готов, как говорится. А тут... все повадки прямо противоположные. Пустое место, а не мужик. Женили они его на себе, что ли?

Муж, глядя на мою реакцию, расхохотался:

– Ну да, я тоже не знал: по виду и не скажешь, что Сашка такой ловелас. Но самое прикольное знаешь что? Со всеми своими бывшими он в хороших отношениях, жены его даже дружат между собой и могут вместе на пикник съездить. Умеют же люди так.

– Да уж. Детей настрогал, а живет с мамой. Прямо бык-производитель.

Тут уже муж рассмеялся.

Однажды Саша заехал к нам не один – с Алиной. Текущей, так сказать, супругой. У мужчин были дела, они вместе

ушли, а мы сели чайку попить. Слово за слово, и гостья сама завела разговор о том, что бывших не бывает: она, мол, до сих пор у третьей Сашиной жены совета иногда спрашивает.

– И как, хорошие дает советы?

– Да, она ведь с ним дольше всех прожила – целых пять лет! Ушла, потому что в другого влюбилась.

На лице моем, как я ни старалась, отразилась сложная гамма чувств. Алина понимающе повела бровью:

– Вы не поверите, но Лена нас и познакомила.

«Боже, – подумала я. – Это Санта-Барбара какая-то».

Алина продолжили:

– Мы с Леной вместе работаем. Мне надо было починить сантехнику в квартире, полотенцесушитель поменять. Как водится, обсуждала это с коллегами, и Лена дала телефон своего бывшего мужа – сказала, что он рукастый и все сделает в лучшем виде. Да еще и подмигнула: мол, бобылем мужик живет уже третий год, очередная жена от него сбежала.

Меньше всего в своей жизни Алина собиралась влюбиться в простого работягу. Или в бывшего мужа коллеги по цеху. Но Саша чем-то зацепил, попал в ее мечты. Немногословный, вежливый, без понтов и закидонов. Все сделал, как она просила (предыдущие спецы все пытались ей свою версию событий втереть), докупил какие-то детали на стройрынке, не ныл, что она хочет невозможного. Деньги взял адекватные. А главное – все работало как часы.

Алина, женщина властная, прямо заболела от любви. Са-

ша на инициативу реагировал вяло, согласился пару раз встретиться, и – тишина. Тогда женщина и решилась просить совета у бывшей жены:

– Ну а что? Кто лучше нее знает путь к сердцу мужчины? Ленка счастлива в новом браке, ей этот Саша давно до лампочки. Зато она уж точно знает, чем бывшего можно приблизить, а чем оттолкнуть.

Словом, Лена коллеге не отказала. Посоветовала перекраситься в блондинку, немножко поправиться, сменить гардероб...

– Такой тип женщин всегда нравился Саше, – невозмутимо продолжала гостя. – Это теперь Ленка стройная шатенка, а тогда имела другой имидж. Она мне и блюда подсказала, которые он любит, и про маму рассказала: ее авторитет непререкаем.

Что там еще колдовали они с бывшей, не знаю, но их сговор имел успех. Саша сдался и стал жить с Алиной. Вскоре пара поженилась.

Зная о дочках, уточнила:

– А дети есть у вас?

– Нет, у него уже трое, да все девчонки. Младшей еще только шесть лет. Больше не хочет.

– Ты тоже не хочешь детей?

– Пока нет, нам и так хорошо. Позже – посмотрим, может быть, со временем Саша и со мной захочет ребенка. Хотя, честно, я, когда с его дочками вижусь, долго потом люблю

свою спокойную бездетную жизнь.

– Муж говорил, Саша у мамы часто живет...

– Да, но что поделать? Возраст у нее солидный, он единственный сын. Я знала, на что иду – Лена в этом смысле меня предупредила, что Саша идет с мамой в комплекте. И со всеми бывшими женами и детьми.

Вскоре от подруги узнала еще одну поразительную историю: у нее многодетная соседка развелась. Причина – муж «всегда не нравился». Пятеро детей! Как говорится – не спрашивайте, как такое может быть. Сама не знаю. Так вот, развелась мать-героиня, когда подходящего мужчину встретила и влюбилась. Он да, полная противоположность бывшему. У «новой любви», представляете, сын и две дочери.

Сижу, помню, выдаю на эту новость стандартное:

– Вот удивилась, наверное, его жена: ушел от нее к женщине с пятью детьми!

– Как ты скучно живешь, – рассмеялась подружка. – У него три жены и у каждой по ребенку.

И правда, скучно. Такие страсти точно мне незнакомы – один муж вот уже почти тридцать лет. Но с тех пор, как у меня появился мозг, я перестала выносить односторонние суждения. Хотят люди жить в любви? Ищут ее? Прекрасно. Не мне судить, как правильно жить.

Сколько лет прошло с того разговора про дружных бывших жен? Точно не скажу, но не меньше десяти. Видела недавно Алину с Сашей в городе – выглядят счастливыми.

Спасибо бывшей – дельные советы давала. Работают.

Студенческие блинчики

Единственное, что Наташка умела готовить хорошо – тонкие блинчики. Но в общежитии, куда она переехала на первом курсе, это была едва ли не любимая еда.

Быстро, вкусно, просто и, главное, экономно. Только в студенческом общежитии Наталья узнала, что у кого-то блины банально не получаются. Лена не могла замесить тесто без комочков, у Иры блины прилипали к сковородке, у Оксанки – рвались. Они даже начинать не хотели эту канитель...

А Наташу мама научила всем премудростям классе в шестом. Тогда их классная конкурс объявила среди девчонок – у кого блинчики получатся самые тонкие и ажурные. Мама категорически отказалась печь за нее блины:

– Твой конкурс? Твой. Мне это ни к чему – я блины уже сто лет пеку. Могу научить, это несложно совсем. Наоборот – самое простое и быстрое, чем можно накормить даже большую компанию.

Первый блин, как и положено, был комом, а потом дело пошло на лад. Папа так Наташкины блины нахваливал, что она стала их готовить специально для него.

Короче, сначала в общежитии с едой реально был напряг, так что Наталья часто стояла у сковородки. А когда все как-то приноровились сами готовить, продукты запасать, Наташи-

ны блины превратились в палочку-выручалочку. Потом завели традицию: обязательные блинчики по воскресеньям.

За воскресным завтраком вспоминали дом, родителей и уплетали солнечные кружочки, щедро поливая их маминым вареньем. И однажды на кухню забрел Сережка – известный всему курсу повеса и сердцеед:

– Как вкусно пахнет. Ванилин? Сто лет блинчиков не ел.

– Угощайся, – приветливо улыбнулась Наташа.

– Мм-м-м... Как дома.

Сергей, обжигая руки, с удовольствием трескал блинчики, примостившись на подоконнике. Разговорились. Наташа с удивлением отметила, что весельчак Сережка, невзирая на репутацию легкомысленного парня, – умный и начитанный, отличный рассказчик.

Они увлеченно болтали, гость уплетал блины один за другим, пока не оказалось, что тесто закончилось. На тарелке лежали всего три штуки.

Сергей смутился:

– Ой, оставил вас без завтрака. Так люблю тонкие блинчики – они у тебя просто волшебные.

Наташа не стала ворчать:

– Бывает, сейчас еще порцию теста разведу.

В понедельник Сергей принес девочкам два килограмма муки и бутылку растительного масла:

– Простите мое обжорство – больше так не буду. Но если пригласите, мы с друзьями на ваши блинчики в любой день

придем и не с пустыми руками.

В ближайшее воскресенье ребята принесли сметану и джем и с удовольствием позавтракали все вместе. Так и повелось. Блинчики по воскресеньям, общие праздники, совместные дни рождения. Полочку прибить, розетку починить – девчонки зовут мальчишек на помощь, карман порвался или совсем есть нечего – парни стучатся к девчонкам.

Неугомонный Сережка частенько придумывал поводы для празднования – сто дней с начала учебного года, например. Или Всемирный день каштановых свечек и День божьих коровок. Все с удовольствием подключались. Многие считали Сергея легкомысленным раздолбаем, но Наташа успела узнать, что жизнь у парня далеко не простая. Он был из многодетной семьи, по ночам подрабатывал в больнице – не хотел обременять маму, наоборот, старался ей помочь. Да и некоторые предметы ему попросту не давались.

Однажды Сережка пришел в комнату Натальи во фраке и с букетом цветов. На немой вопрос, который отразился в глазах соседок, с поклоном ответил:

– Дамы, ваш покорный слуга решил на самый важный шаг. Хочу жениться!

Встал на колени, протянул букет Наташе:

– Согласна всегда быть со мной? В горе и в радости?

Девочки ахнули. Никто не ожидал. Наташа, правда, ждала этот визит. Фрак, конечно, был сюрпризом, но свое согласие она дала Сереже незадолго до романтической сцены.

Просто ей хотелось чего-то запоминающегося, более торжественного, что ли. Услышав об этом, жених обещал все организовать. Предложение получилось легким, веселым, в стиле студенческого балагура.

Пара вместе уже десять лет, растет сын Алешка. Муж из Сергея получился замечательный. Какие бы трудности ни возникали, он не унывает. Всегда на позитиве, все решает с шутками, юмором. И поссориться с ним невозможно. Чуть Наталья заведется, он уже рожицу скорчит, хохму какую-то припомнит, замечание невинное сделает, возьмет всю вину на себя... И ничего другого не остается, как рассмеяться.

А блинчики они теперь пекут сынишке – по очереди! На свадьбе Сергей рассказал, что сначала влюбился в блинчики и дал слово освоить волшебный рецепт. Слово надо держать, так что научился – под руководством тещи. И надо сказать, Алешка папины блины обожает.

Дешевые сапоги

– Жануля, ты не представляешь, какие я себе шикарные сапоги прикупила! Italianские! Фруит! Ручной работы! Кожа мягкая, к лицу можно прикладывать! А мех! Просто фантастика! – восторженно хвасталась Наташа своей подруге по телефону.

– Да ладно... Такая обувь сумасшедших денег стоит. Скорее всего тебе подделку китайскую продали, – равнодушно ответила та.

– Да нет же! Настоящие! Фирменные! Приезжай, сама увидишь.

Ехать не хотелось, но Наталья так настаивала, что Жанна согласилась.

Рассматривая изящные зимние сапоги со всех сторон, гостя причмокивала губами и, наконец, с чувством легкой зависти констатировала:

– Слушай, а ведь и правда – фирменные. Ты что, кредит взяла? Сколько они стоят, рублей семьсот? Это ж полторы зарплаты!

Счастливая Наташа заливисто рассмеялась:

– Не поверишь! Всего сто пятьдесят отдала, прикинь! Такое счастье раз в жизни бывает!

– Не может быть! Это ж копейки! А ну, рассказывай, откуда сапоги?

– Двоюродная сестра предложила. Видишь, новенькие. Даже с этикеткой. Она их в прошлом году к концу сезона купила, ни разу в них не вышла.

– У нее что, аттракцион щедрости? Где она живет? Может, и мне что-нибудь перепадет? – пошутила Жанна, любуясь обновкой.

– Это вряд ли, – не поняла шутки Наташа, – она почти все распродала, выбрать нечего.

– Ну очень дешево, – подруга никак не могла успокоиться, – а чего это она распродается?

– У нее летом муж разбился на машине. Прикинь, с двумя детьми осталась! Сыну четырнадцать, дочке – десять. А лучший друг мужа еще до похорон привез какие-то бумаги подписать. У них совместная фирма. Сестра и подмахнула, не глядя. Не до того было. Когда стала разбираться, оказалось, что у нее теперь ничего нет: осталась в чем была. Вот тебе и лучший друг! Короче, пока работу искала, пока в себя приходила, жила с детьми на то, что накопить успела. Теперь лишнюю одежду и обувь продает. У нее столько брендовых шмоток было! Могла себе позволить. Мне сапоги предложила. У нее размер редкий, тридцать пятый, и у меня такой же. Вот на этом я и сыграла.

– В смысле «сыграла»? – уточнила Жанна, которая внимательно слушала подружку.

– Она мне позвонила, предложила сапоги за полцены. Это 350 рублей. Я, конечно, приехала смотреть. Знала, что сапо-

ги классные. Увидела – чуть не сомлела. Померила – как раз. Ну, думаю, мои будут. Только надо грамотно поторговаться. Ей деньги срочно нужны, а размерчик не ходовой: уступит, куда денется.

Жанна как-то странно посмотрела на Наташу.

– Вот я и стала ныть, что сапоги нравятся, только денег сейчас нет. Она рассрочку предложила. Я отказалась. Сказала, что не могу в долг жить. А сама все на сапоги поглядываю, почти со слезами. Вот сестра меня и пожалела. Сказала, мол, если так нравятся, бери за сколько можешь. Я и дала полторы сотни.

– Да ты... артистка... – у Жанны почему-то испортилось настроение.

– В смысле? – Наташа смотрела на подругу широко распахнутыми невинными глазами.

– Надула сестру, воспользовалась ситуацией... – Жанна вдруг поднялась и направилась в прихожую.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что ты молодец! Классные сапоги купила, – гневный взгляд подруги метал молнии, голос отдавал металлом.

– Жануля, да ты что? – не выдержала натиска Наташа. – Чего ты злишься?

– Я... Не злюсь... Мне противно...

– Ты просто мне завидуешь! – взвизгнула Наташа.

Она искренне не понимала, что происходит.

Жанна подошла к двери, взялась за ручку и вдруг оберну-

лась. То, что она сказала, Наташе непонятно до сих пор:
– Не звони мне больше... Мародерка...

Верная примета

– У Марии Семеновны день рождения завтра, поехали за подарком, – Ольга заглянула в бухгалтерию сразу после обеда.

– Подожди полчасика, таблицу добыю, – отозвалась Наташа. – А то меня маркиз де Сад повесит же.

– Не повесит, он в курсе и отпустил нас, Сан Саныч машину греет уже. Давай, в темпе вальса, потом сделаешь – не прокиснет.

Наташа вздохнула и покорно встала: спорить с Ольгой бесполезно. Если уж она взялась за дело, ничем не остановишь. Да и таблицу начальство ждет завтра, просто она хотела все закончить сегодня, чтобы было время проверить данные свежим взглядом.

Коммерческий директор маркиз де Сад, он же Савельев Антон Дмитриевич (САД), подчиненных держал в черном теле и мог лишить премии за любой косяк, даже мелкий. Однако Ольга нашла аргументы: во-первых, подарок был нужен на юбилей и требовал тщательного выбора, во-вторых – именинницей была главбух.

Сан Саныч, начальник отдела продаж, по совместительству бойфренд Ольги, при виде женщин широко улыбнулся:

– Карета подана, принцессы!

– Саша, очень быстро. Надо подарок найти и по торговому

центру пробежаться: хочу кое-что закупить к выходным! – скомандовала Ольга.

– Слушаюсь и повинуюсь, ваше величество, – водитель вдавил педаль газа в пол.

Для Наташи, которая работала по двенадцать часов в сутки и в ТЦ бывала только по выходным, народу было непривычно мало. Пробежав по этажам, они остановились у магазина с товарами из шерсти каких-то волшебных овец.

Юбилярше выбрали красивое одеяло, а Сан Саныч запал на тапочки.

– Душа моя, давай купим, – обратился он к Ольге. – Уж сколько встречаемся, а мне у тебя дома ходить не в чем.

Пока влюбленные выбирали фасон, Наташа подумала, что и ей в доме мужские тапки тоже бы не помешали: Сергей хоть иногда, но приходит. Опять-таки папа заглядывает, и брат бывает. Она взяла в руки пару черных с белым, повертела.

– А вот такие у вас есть 42-го размера? – спросила продавщицу.

– Нет, одни остались. 45-й размер.

– Жалко.

– Берите, девушка. Не пожалеете! Больше – это ведь не меньше. Они очень качественные, поэтому и нет размеров – за воскресенье разобрали все. Я вам еще и скидку сделаю как на последнюю пару.

Действительно, больше – не меньше, и скидка хорошая. Недолго думая, Наташа расплатилась. Дома поставила их в

прихожей на видном месте. Однако Сергей, который зашел через пару дней, покупку не оценил:

– Не ношу тапки, жарко в них.

Наталья убрала их с глаз долой. И всю зиму о них не вспоминала.

Весна принесла перемены. Оля и Наташа расстались со своими кавалерами и возобновили пешие прогулки после работы. Однажды к ним подошел симпатичный парень. Эдакий Алеша Попович – косая сажень в плечах, пшеничного цвета волосы, серо-голубые глаза.

– Девушки, извините, а как можно отсюда попасть в крепость?

– А вам зачем? Середина недели, время позднее – экскурсий уже нет.

– Да просто посмотреть хочу. Я в Смоленске третий раз в командировке, все времени не было.

– А давайте мы вас проводим, – вдруг предложила Наташа.

– Ты что, время-то уже сколько! Завтра на работу рано, планерка же, – Ольга терпеть не могла крупных мужчин и блондинов. Так что парень был мимо по всем параметрам.

– Да ладно, все равно попадет, у маркиза де Сада это уже ритуал, так что – разом меньше, разом больше...

– Ну дело твое, как знаешь. А я поеду домой – устала.

Ольга бодро зашагала в сторону остановки.

– У вас начальник – де Сад? – командировочный с инте-

ресом смотрел на Наташу.

– Представляете? – расхохоталась Наташа.

Они пошли в сторону крепости, и она по пути рассказала новому знакомому, откуда взялось прозвище шефа, потом провела краткий экскурс в историю города. Вадим, так звали ее спутника, внимательно и с интересом слушал, иногда что-то уточнял. А когда «экскурсия» закончилась и пришло время расставаться, спросил:

– Наташа, а у вас на завтрашний вечер какие планы?

– Если маркиз де Сад не загрузит срочной работой, буду свободна.

Вадим пробыл в их городе еще две недели. За это время Наташа показала ему все достопримечательности и самые красивые места. Он рассказал о себе: приехал для сотрудничества с вузом по проекту, идейным вдохновителем которого был. Они сходили в кино, в театр, в ресторан, и наконец девушка пригласила его в гости.

Зайдя в квартиру, Вадим первым делом спросил:

– А тапочки у тебя есть? С детства привык ходить дома в обуви. Но если нет, могу и обойтись.

– Нету... хотя погоди! Есть!

Наташа вспомнила ту самую «берите, больше – не меньше» пару.

– Надо же, и размер мой! Ты не представляешь, как тяжело подобрать хорошие тапочки 45-го размера! – восхитился гость.

Наташу вдруг осенило: в студенчестве она каждый год ездила в стройотряд. Поселили их однажды у бойкой старушки, которая сразу взялась учить молодых квартиранток уму-разуму. Ну и конечно, делилась секретами, как жениха себе хорошего найти. И один из рецептов был такой: купить мужские тапочки и принести домой, пусть лежат. А вскорости к тапочкам и жених явится.

Наташа расхохоталась. Вадим удивился:

– Я что-то не то сказал?

– Нет, все в порядке! Это я так... анекдот вспомнила.

Ужин плавно перетек в завтрак, потом снова в ужин... Когда командировка закончилась, Вадим уехал в свой Нижний Новгород, их роман продолжился по скайпу. А через два месяца он приехал делать предложение.

На свадьбе Наташа делилась опытом:

– Хотите, девочки, ускорить встречу со своим счастьем? Сходите на базар и купите тапочки. И не сомневайтесь – примета верная! Я проверила – работает.

Разговор по душам

Жена Вадима легла в больницу на обследование. Вечером позвонила, попросила привезти минералки и добавила:

– Возьми две бутылки. Со мной в палате Аленка лежит. Никто к ней не ходит, передач не приносит. Сирота, наверное. Захвати ей что-нибудь вкусненькое.

Вадим собрал целый пакет: фрукты, аппетитные булочки, минералка, две шоколадки. Зашел в палату, поцеловал жену, подмигнул очаровашке на соседней кровати, которая с любопытством наблюдала за их встречах. Разобрал передачу и протянул девочке часть содержимого.

– Держи, пригодится.

– Ой, нет, – смутилась та, – хотя... Я сейчас деньги вам отдам... Спасибо...

– Да не надо ничего. Это подарок.

– Нет. Папа говорит, что долги нужно отдавать. Так поступают порядочные люди. Как моя мама. А я – вся в нее. Так что возьмите. Иначе не нужна мне ваша минералка.

Вадим не ожидал такого напора, поэтому деньги у малышки взял, чтобы не расстраивать. Он еще несколько раз привозил Аленке гостинцы, даже успел с ней подружиться. Но поведение девочки было неизменным: за каждое яблоко или шоколадку она отдавала деньги.

В конце концов, Вадим принял ее правила игры и пе-

рестал сопротивляться. А через пару недель ему позволил мужчина, представился Александром, отцом Алены, и попросил о встрече. Мужчины договорились пересечься в больнице.

Вечером Вадим пришел к жене. Увидев его, Аленка радостно махнула рукой. Мужчина, сидящий с ней рядом, оглянулся. В его глазах Вадим прочитал удивление, благодарность, еще какие-то добрые чувства.

Из палаты мужчины вышли вместе. Александр протянул Вадиму пакет. В нем была бутылка дорогого коньяка и коробка конфет. Потом он долго жал Вадиму руку, говорил красивые слова о доброте, милосердии, сочувствии. И вдруг остановился, предложил зайти в кафе неподалеку, поговорить.

Сначала разговор не клеился. Но мужчине, видимо, очень хотелось выговориться, поэтому он собрался с духом и начал свой рассказ:

– Три года назад моя жена умерла. Мы боролись до последнего. Я вкалывал день и ночь. Старался заработать: препараты стоят недешево. Родители помогали, чем могли. Но... она ушла.

Мужчина вздохнул.

– Сначала было трудно. Очень. Не знаю, как я держался. Мама, теща с тестем помогали, хотя самим было очень плохо. Тесть стал выпивать. Однажды вечером попал под машину. Теща не выдержала второго удара и наложила на себя ру-

ки. Еще через пару месяцев умерла моя мама. Все это случилось в течение года после того, как мы с Аленкой остались вдвоем. Честно сказать – жить не хотелось. Я смертельно устал. И только мысли о том, что дочка останется совершенно одна, заставляли держаться на плаву. Мы с Аленкой всегда вместе. Личная жизнь для меня – табу. Во всяком случае, пока. Я много работаю. Дочь у меня самостоятельная, часто остается дома одна. Недавно срочный заказ подвернулся. Отказаться не мог. Уехал почти за тысячу километров.

Он устало подпер голову рукой.

– А тут Аленка в больницу попала. Хорошо, что дома деньги были: взять с собой, купить что-нибудь. Позвонил медсестре, попросил позаботиться. А она забыла. Сменщице ничего не сказала. Я-то думал, что у дочери все в порядке. Звонил ей. Она ни разу не пожаловалась. Говорила, что кормят нормально, у нее все есть. Слава Богу, не выдержала: поделилась с твоей, что голодная и воды нет. Спасибо тебе за то, что покормил ее, передачи носил. Редко нормального человека встретишь. И прости, что вывалил на тебя все это. Знаешь, забыл, когда разговаривал с кем-то по душам. Если что – звони. Всегда помогу, чем смогу. Обязательно звони.

Александр заторопился и ушел. А Вадим долго еще сидел в кафе.

Этот разговор оставил в душе какое-то незнакомое, теплое чувство.

Домой мужчина пошел пешком. Хорошая погода соответ-

ствовала настроению.

Проходя мимо остановки, он заметил печальную девушку. Она украдкой вытирала слезы.

– Ой, а кто это у нас такой грустный? – Вадим подошел к незнакомке, улыбаясь во весь рот.

– Вы куда-то шли, вот и идите, – буркнула девушка.

– Э, нет! У нас сегодня акция: каждой плачущей красавице – коробка конфет, – Вадим достал подаренную Александром коробку и протянул девушке.

Та сначала опешила. Потом распахнула на все лицо свои прекрасные серые глаза.

– Это мне?

– Конечно!

– Спасибо... огромное... человеческое...

Тайник

...Огород вспахать, забор заменить, кабана заколоть, сруб поставить – все это делали в деревне толокой. А когда сообща работаешь, как без жидкой валюты обойтись? Когда наступили времена, что и бутылку было не достать, соседка наша тетя Надя начала сама эту жидкую валюту гнать. Напиток у нее получался отличный, у местных шел под кодовым названием «захаровка» – по фамилии создательницы.

Занималась она этим делом умеренно, исключительно для себя и расчета с помощниками, внимание милиции не привлекала. По тем временам проводили иногда рейды на эту тему – у нее ни разу ничего не нашли.

А вот от мужа спрятать ценный продукт никак не удавалось. Дядя Петя везде огненную воду находил: под печкой, в дровах, в старом колодце, в сарае, в собачьей будке, в погребке среди банок, под кустом, даже в бочке с квашеной капустой.

– Вот же ищейка, нюх прямо как у собаки на это дело, – сокрушалась тетя Надя. – Может, правду говорят: от своего вора ничего нигде не спрячешь.

Каждый раз она ломала голову, куда спрятать очередную банку «захаровки». Однажды пришла ей в голову мысль – занести в сени к соседу. Васильевич жил бобылем, а после смерти матери совсем опустился: пил так, что не понимал,

где находится. Дом его пятистенный делился надвое. В одной части жилое помещение, второе служило ему как сени. Пусто, даже пола нормального не было, только черновой, доски – где прибиты, где нет. Дверь всегда открыта.

Тетя Надя подумала, что у соседа муж точно не будет самогонку искать. Не пойдет же он в чужой дом! Да и что там найдешь, если хозяин сам не просыхает?

Как-то Васильевич с утра с ней поздоровался:

– Доброе утро, Надежда! Я в Осиновку на пару дней – старый друг юбилей отмечать будет. Пригляди за домом.

«Вот сейчас и найду местечко» – подумала соседка. Пошла в чужие сени, прямо у порога наступила на доску, которая плохо прибита и легко поднимается. Через недельку, улучив момент, спрятала под ней трехлитровую банку первачка. «Ну вот заимела надежный тайник! Наконец-то!» – с такими мыслями женщина спокойно занялась огородом.

Потекла обычная жизнь. Но, как говорится, недолго музыка играла. В какой-то момент заметила Надежда, что каждый день муж с Васильевичем счастливые ходят, под легкой мухой: и в субботу, и в понедельник, и в четверг с пятницей.

Выбрала момент – встала на рассвете и пошла проверять тайник. Так и есть... А точнее – нет «захаровки».

Васильевич потом рассказал, как дело было:

– Прихожу домой в сильном подпитии. Двери попутал. Стою, значит, прицеливаюсь в замочную скважину, а ключ – так его растак – вырвался из рук и упал в дыру между сте-

ной и полом. Тут я на дверь облокотился, а она открылась. А чтобы достать, пришлось поднять доску... Глазам не поверил: две трехлитровки! Руками пошарил – одна. Зато полная! Поднял, открыл крышку...

Лицо Васильевича, даже тогда, когда он просто вспоминал этот счастливый момент, словами не описать – таланта не хватит.

Нахохотались они с соседом до коликов, у тети Нади даже желание скандалить пропало. Решила она просто больше «захаровки» делать, с запасом, в маленьких тарах, и прятать в разных местах – чтобы сразу все не нашли, супостаты.

Не прожить же в деревне без жидкой валюты, сами знаете!

Взрослый сын

– Ну что, Виталий, ты вырос. Пришло время заботиться о себе самому. Надеюсь, скоро съедешь.

– В смысле?

– В прямом. Ищи квартиру.

– А что случилось?

– Твои двадцать два года случились, вот что. Я в твоём возрасте жила отдельно и воспитывала ребенка. Мне надое-ло тебя обслуживать, сколько раз говорить. Хочу пожить для себя. Можно уже?

– Мам, я понял. Тебе помощь нужна какая-то? Полку при-бить или что?

– Ага, мусор вынести и кружки помыть, – расхохоталась Алина. – Нет, спасибо, сын. Это все я сама могу. А вот ты почему-то не можешь. Просьбы мои не слышишь. Живешь тут как в бесплатной гостинице с прислугой. С меня хватит. Поэтому, будь так добр, найди квартиру и начинай жить са-мостоятельно. Сколько тебе надо времени?

– Не знаю, не думал об этом.

– Я знаю. Две недели, максимум три, – и тебя здесь нет. Договорились?

Виталик растерянно кивнул и вышел из кухни, забыв за-варить себе чай. К такому повороту он был не готов. С чего вдруг он должен уходить из своего дома? Непонятно. Шутит

мама, наверное. Обиделась на что-то, а прямо говорить не хочет. Или опять в интернете чего-то насмотрелась.

Да, что-то она в последнее время ворчала, он внимания не обращал. Первый раз, что ли? Она вечно чем-нибудь недовольна. Отметки плохие, колледж бросил, в комнате бардак, друзья стремные, в телефоне сидишь долго, спать ложишься поздно, куришь много, зарабатываешь мало, денег не даешь, только о себе думаешь, пора взрослеть... Стандартный набор.

Но постельное меняла, одежду стирала, комнату убирала, ссбойки в рейс всегда давала, завтраком-ужином кормила, денег не просила. А что ворчала – так все матери ворчат.

Может, завела себе кого? Домой хочет привести? Точно! Ну зачем еще сына из дома гнать? Только ради мужика. Надо будет спросить, найти момент. Если так, то он, Виталик, совсем не против. Даже «за».

«А Наташка как же?» – вспомнил он про сестренку. Ей десять, скоро расцветет невеста. А мать домой чужого мужика притащит? Вряд ли, не похоже на нее. Хотя кто их, этих женщин, знает? Ладно, утро вечера мудренее... Посмотрим, что она завтра скажет. Авось передумает?

Виталик подключил наушники и погрузился в игру.

Утром на столе дымились ароматные сырники, у двери стоял пакет с бутербродами и термосом. Парень облегченно вздохнул – жизнь пошла своим чередом, маму отпустило.

Но вечером мать завела разговор снова. Через день – еще

раз. И опять:

– Виталик, тебе пора жить самостоятельно. Я хочу, чтобы съехал, понимаешь?

– А если я не хочу? – отбивался сын. – Это ведь и моя квартира, разве нет?

В конце концов он выдал:

– Меня и тут неплохо кормят.

Зря он это сказал.

Утром встал – завтрака нет, ссобойки нет. С работы пришел – ужина нет. На столе записка: «Виталий, мы с Наташей уехали к дяде Пете. Поливай, пожалуйста, цветы. 25-го заплати коммуналку. Мама».

Внезапно к дяде Пете – это был серьезный ход. Мамин брат жил у моря, они ездили к нему летом несколько раз. Все вместе. Деньги копили. А тут – раз, и уехала.

Неужто он, Виталик, так сильно достал родную мать?

* * *

– Думаешь, сработает? – Алина сидела на кухне у подружки Насти, которая пустила их с Наташкой пожить к себе.

Сама собралась в санаторий, а девчонки как раз за котом присмотрят. И Виталика своего великовозрастного уму-разуму научат. Проучат, так сказать. А то катается как сыр в масле, даже на интернет матери денег не дает.

– Поживем – увидим, – ответила Настя. – Не младенец же

он, справится. Надо же когда-то начинать жить без розовых очков.

– Ох, не знаю. Он один даже неделю не жил. А тут сразу три.

– Ну, это твоя заслуга. Вот и сидит на твоей шее, сама приучила.

– А как иначе? Ну что мне, трудно приготовить на всех и постирать заодно? Сын ведь, как это я буду продукты делить?

– Нетрудно, Алиночка, нетрудно. Ты ж двужильная, до старости готова его кормить. Ну хоть на продукты деньги надо было просить у него, или интернет пусть бы оплачивал. Комп он себе крутой купил? И телефон?

– В кредит.

– Тем хуже. Хоть копейку он тебе дал? Три года работает! Что-то в дом купил? Или, как малыш, после школы ест, играет и спит?

Алина тяжело вздохнула, глаза заблестели. Настя, увидев слезы, развела руками:

– Та-а-к! Ясно все. Жалко детку... Ты сама-то хочешь, чтобы Виталик съехал, или нет, я не поняла?

– Хочу.

– Ну слава богу, а то я уж подумала, что перегнула палку и зря все это тебе предложила.

– Только хочется, чтобы он сам, понимаешь? Сам уехал, сам предложил, ну или хотя бы спросил – не против ли я?

Как твоя Света – уехала учиться и осталась жить в другом городе. Ты же ей никаких условий не ставила? Не по-человечески это: силой детей из дома выставлять. Неправильно.

– Согласна, мне легче было. Зато я и вижу – одна польза им от самостоятельной жизни. Света моя в общаге другим человеком стала за год. Поняла, например, почему суп – самое выгодное блюдо для семьи. А твой Виталик ненаглядный об этом даже не думает. И сколько туалетная бумага с порошком стоит понятия не имеет, зуб даю. Или я не права?

– Права.

– Вот! Сыну твоему двадцать два, еще немного времени, и он не захочет никогда от тебя уходить. Если он сам такого не предложит, что делать-то будешь? Невестку еще приведет, пару детишек заделает. Всех до старости нянчить согласна? У плиты жить будешь?

– Может, и буду. Я и так там живу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.